

**Литературное
творчество**

ТОМПОНЦЕВ

Людскими бедами нагружен

Когда январь,
взбесившись прямо,
тайгу завьюжил до иголок,
я в этот мир пришел —
и мама
улыбкой высветила полог.
Судьбой заведомо обласкан,
родными огражден от зла,
я рос,
передоверяясь сказкам,
а жизнь не сказочной была.
Рос,
вырос
и ушел бы к духам,
жизнь проводив,
как полусон,
когда бы не коснулся слуха
глубокий стон.
Людскими бедами нагружен,
скрипел натужно шар земной.
И я почувствовал, как нужен,
чтоб всем,
с кем был и не был дружен,
раздать
нерозданное мной.

В. Кейметинов.

Признание бесхитростной души

Кем бы себя в гордыне я ни мнил,
ладонью
мне не вычерпать синь неба,
пучину расплескать не хватит сил,
каким бы исполином в мыслях
не был.

Прожектами
не загружаю мозг.
Объявляю необъятное
мне жалок.
Стать Человеком,
когда жизнь,
как воск,
в заботах тает, —
много или мало?..
Не знаю...
я бы принял,
как награду,
признание бесхитростной души:
вот Человек!..
И большего не надо —
свою задачу баргучан решил.

БАРГАЧАН

ЭТИКЭР ХЭДЭЭТТЭН

Эюмжукэн
Мэгининвичин
Этэл нгэвдэ
носэгчэнгчин
Энтукукэн
Хэдээнникэн
Отавчикан
Егуникэн,
Тобангакан
Тонникэкэн
Дэгдэнгэкэн
Хэткэтникэн
Гярамадди
Дэлмичэвчин

Хэбдэнь хэдэв
Хэдэр эчин
Носэгчэмур ивкэнидэур
Чиктичамур мучувридэур
Тытэрэпур дьокаттидэур
Хагдыл эвир чакуридэур
Тарав дьонир носэгчэкэр
Хэбделлидэур хэдэв
хэдэр
Эрус икэ миатэрэнни
Бэйтэн эду мэкэлбэнни
Хири ойлин
Икэ улдан
Ултавчикан
Тарав ултан
Эти хавдин
Ностэ били,
Бэйди-дэмэр
Хэдэз оли.

ЭНГКЭЧЭН

Кучукэн энгкэчэн
Булухи хоннгачан
Явтакли эндээннэн
Хэбденич хурканнан
Эньмигу бэринни
Тогатми баланни
Ями хи куняни
Явтаку удээнни?
Исули энгкэчэн
Ингэн буг аявнан,
Чиктикан, энгикэн
Орьякан оникан
Эниндэ гадакан
Би хину бэвдэдим
Ненгчакта тикрэкэн
Касагач айчидим
Исули, исули
Булуси орчаму
Чиктикан хн оли
Аяври гячаму.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ УГОЛОК

Из новых
СТИХОВ
Василия
Кейметинова

В дни поздней осени

В дни поздней осени
Леса
Открыты всем ветрам
И взглядам.
И грустно мне,
Что чудеса
Не в глубине лесов,
А рядом,
И в тишине едва слышны
Шум крон
И шелест листьев
блеклых.
Их отпечаткам

До весны
Печально стыть
На чистых стеклах,
Сгустится белый воздух
И укроет землю
Первым снегом.
И первопутки
Пастухи
На звонких нартах
[Ох, лихи!]
Смеющимся прочертят
следом.

★ ★ ★

Утру
радуюсь, как птица.
Насмотреться не могу,
Я б вобрал в себя тайгу,
Чтоб листком
в ней раствориться.
Смыли сон росой
Цветы.
Разминаются травинки.
Синь
бездонной
синевы

Растворила в речке
льдинки.
Час рассветный,
Час святой,
До сердечной боли
краткий..
Даль глотнешь
И чистотой
Перехватит
горло сладко.

★ ★ ★

Слепнет сердце от горьких потерь —
Бьется птица в оконную раму..
Никогда не откроется дверь —
Никогда не увижу я маму.
Петлей жесткой задавленный зверь
Тщетно всет, в снегу замерзая..
Никогда не откроется дверь —
Никогда не увижу отца я.
Умерла моя мама давно.
И отец мой в могиле глубокой..
Распахну по весне я окно —
И увижу их в тундре широкой.
Маму я позову — не придет..
Я отца закричу — не услышит..
Это ими земля моя дышит —
И растет,
И цветет,
И поет!

с. Тополиное.

Встречая утро

Росою утренней
сверкая,
Заря веселая встает,
И нет тебе конца
и края,
Страна,
где трудится народ.
Весь день
под светлыми лучами
Пылает радугой
волна.

Земля, залитая
цветами,
Весенней музыкой
полна.
Я с этой музыкою
утро
Встречаю,
солнечная Русь,
И становлюсь,
как утро, добрым,
Как осень,
мудрым становлюсь.

«Уж небо осенью дышало...»

Фотоэтиюд С. Власенко.

Творчество наших геологов

А. КОКИН

В конце сезона

Закончено поле.
Вздремнуть мне бы, что ли,
Минут на шестьсот.
Не будите меня!

Начальник в маршруты
Идти не неволит.
Сегодня, друзья,
Не будите меня.

И пусть за палаткою
Дождь барабанит,
И снег пожелтевшие
Листья сечет.

На связи радист
С позывными устанет,
Давая в эфир
Свой настроенный счет.

Впервые на связь
Я не выйду «альбитом»,
Уйдет, не дождавшись
Меня, «галенит».

Двенадцатый сон
В этом мире забытом
Под стон непогоды
Меня посетит.

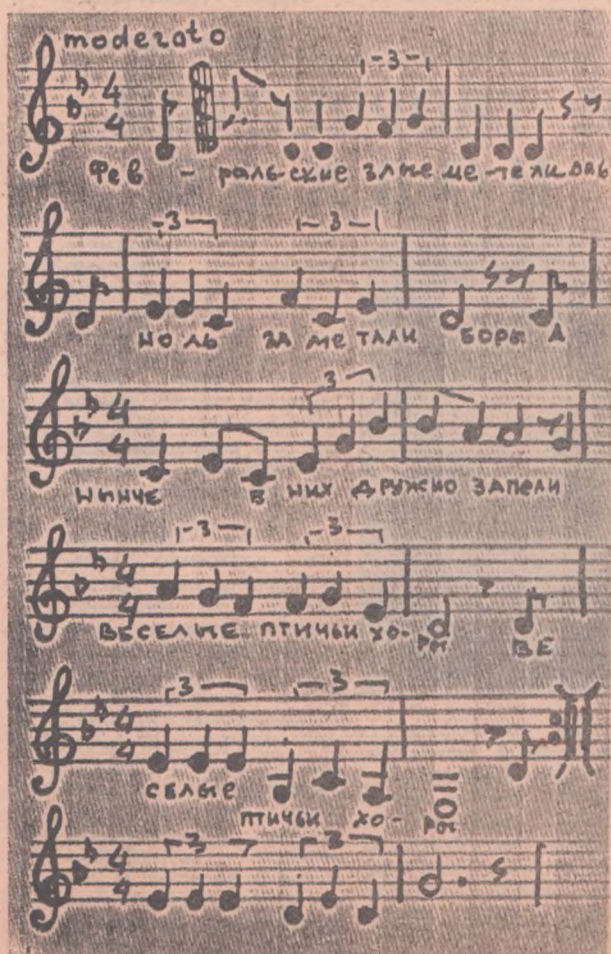
И дождь, и туман,
И тоску перевала,
Где лошади бились
Об анезий

Простят меня все,
Кому припадало
Пройти по хунхадинской
Этой стезе.

Закончено поле,
Вздремнуть мне бы,
что ли...

Набросок к портрету

Одухотворенность.
Чистота.
И нежность.
Какая-то истома
И безбрежность.
И ожиданье
Бесконечно в нем,
В лице твоём.
А в отблеске костра
Все полутени
Легли на руки, плечи
И колени.
Молчанием давила
Тишина.
Ты не спала
Одна.
И дым стелился
По траве сырой.
Тайга молчала
Прямо над тобой.
И оборвать ты тишину
Боялась.
Загадочно чему-то
Улыбалась...

Пусть наша страна расцветает

Стихи А. Горбунова
Музыка В. Сидельцева

Февральские злые метели
Давно ль заметали боры.
А нынче в них дружно
запели
Веселые птички хоры.
Спешат лебединые стаи
За грань горизонта упасть,
Где синь Красноярского
края
С якутской тайгой слилась.
Где связаны общей
судьбою
Надымский рыбак и якут.
Судьбу эту, взятую с боем,
Судьбою России зовут.
Летят лебединые стаи,
Мы радостно мажем им
след.
Пусть наша страна
расцветает.
Другого желанья нет!

Кр. Зеленин, № 43, 1982 г.

Геолог и поэт

Говорят, что в юности стихи пишет каждый. И лишь немногим удастся сохранить чувство поэзии на всю жизнь. Стихи Александра Ильича Горбунова, старшего геолога стратиграфической партии АЮГРЭ, знают очень многие наши читатели. Не раз их публиковали на страницах «Красного знамени», а о всеобщем признании их в экспедиции не стоит даже и говорить, потому что без них не обходится ни один вечер, ни одна стенгазета. Кстати, он — один из старейших и бессменных членов редколлегии.

О чем его стихи? О доброте и человеческих взаимоотношениях, конечно, о работе геологов.

И все-таки, говоря сегодня о А. И. Горбунове-поэте, нельзя не сказать о нем, как об опытном геологе, наставнике молодежи, хорошем спортсмене.

Тайги бескрайность, гор
безбрежье,
Рисунок чудный шумных
рек,
Гольцов гранитных
белоснежье
И облаков неслышный бег.
Мы пьем горящими
глазами
И не насытимся никак.
Пространство мерим
полосами
От карт. Широк олений
шаг.

А. ГОРБУНОВ

К лабазу

Остался справа бор
сосновый.
Столетних сосен тихий
звон
Вдруг смолк. Пейзаж
открылся новый:
Залитый наледью каньон.
Сменился, как в
калейдоскопе,
И он. Олени мчатся
вскачь.

Уж позади бараньи тропы
Над краем скал.

Архар-рогач
Застыл один, как изваянье,
И он исчезнет через миг.
Спешим, как будто на
свиданье,
К лабазу мчимся
напрямик.
Остановись, взгляни,
геолог,
Какая красота вокруг!
Нам этот край волшебный
дорог,
Как самый лучший, верный
друг.

Стихи местных авторов

Впервые в газете

Николай Зелепухин. Родился 25 лет тому назад. Работает наблюдателем на гидрометеостанции. Большой охотник-любитель. За прошлый сезон сдал пушныны более чем на 300 рублей. Стихи начал писать в школьные годы, продолжал — будучи солдатом. В нашей газете печатается впервые.

Н. ЗЕЛЕПУХИН

Воспоминание

Речушка наша без
названья
Течет, как прежде, и вот я
Иду сюда, как на
свиданье
С ушедшим детством
навсегда.
Здесь с другом я встречал
рассветы,
Закат багряный провожал.
В мальчишечьи свои
секреты
Я друга детства посвящал.
Прошли года, и вот я
снова
Над тихой речкою стою.
До боли мне все здесь
знакомо,
Места родные узнаю.
Здесь жгли костер, уху
варили
И, наслаждаясь красотой,
Здесь тайны детские
делили,
Клялись навеки быть
с тобой.
Спасибо, речка, за
рассветы,
За счастье детства,
за восход.
И где б я ни был, шлю
приветы
Тебе, родимый уголок!

А. ГОРБУНОВ

Шагает дружно Первоймай

Гремят торжественные
марши,
Знамена выше поднимай!
По городам и селам
нашим
Шагает дружно Первоймай.
Идут, как в молодости,
браво
Страны достойные сыны,
Кто добывал ей честь
и славу,
Герои тыла и войны.
Идут наследники их славы,
Их дети, внуки их идут,
Шагает молодость
державы,
Несет народу мирный
труд.
В колоннах вся Страна
Советов.
Над ними веет ветерок.
Идут вперед колонны эти
Прямой дорогой из дорог.

Живут Джульетты среди нас...

(Весенняя шутка)

Любовь у очень многих
связана
Бывает с раннею весной.
Кто не встречал ее под
вязами,
Иль на опушке под
сосной?
«Я вас люблю!» —
шептали губы
И в первый, и в последний
раз.
Увы, отныне однолюбов
Уже не встретишь среди
нас.
Живем в плену
неукротимых
И необузданных страстей.
Нас, чуть коснувшись,
мчатся мимо
Года. В век страшных
скоростей
Уже не встретишь
Дон Кихота
Вдали от шумных трасс,
в глуши,
Да и Джульетт не стало
что-то,
Не сыщешь, сколько
не ищи.
Напрасно. Так считать не
надо.
Я знаю точно: и теперь
Живут Джульетты с нами
рядом
Везде. Стучись в любую
дверь

Стихи местных поэтов

Александр ГОРБУНОВ

Неудержимо тянет в горы

Крик в небесах. Весенний
перелет.
И нас неудержимо тянет в горы.

Кто в них бывал, тот без труда
поймет,
Как тесно в стенах дома в эту
пору.

Темнеют за околицей снега,
Уж солнца луч зажег в низинах
лужи,
И стайки снегирей на берегах
Резвятся шумно после зимней
стужи.

И нам с тобой покоя больше
нет,
Зовут вперед мерцающие дали.
Тот, кто хоть раз встречал в
горах рассвет,
Весною дома усидит едва ли...
Не разорвать невидимую нить,
Связавшую геологов и горы.
Самой судьбой начертано
любить
Родные Верхоянские просторы.

Весна в Южном Верхоянье.

Фото геофизика М. Королева.

БЫЛ ТАКОЙ СЛУЧАЙ...

Окончив полевые работы, мы начали собираться на базу соседней геологической партии. Там предстояло ожидать вертолет. Утром мужчины стали мудрить, как загрузить лошадей, а нас с Мариной отправили вперед.

Пройдя довольно узкий и очень нудный каньон, мы поднялись на пологий перевал. Глазам представилось необозримое море кедрового стланика. Спелых шишек на кустах было предостаточно. Не слышно было кедровок, не видать было и бурндуков.

Спешить было некуда: раньше чем через полтора-два часа каравану не подойти. Еле уговорив спутницу задержаться, нарвать шишек для братишки, я углубилась с ней в заросли.

«Самое медвежье место», — между делом «порядовала» я техника. Было слегка не по себе: перевал из разных речных систем, да еще такой лакомый. Тут медведю в самый раз быть. Марина все порывалась спуститься к ручью, я ее придерживала. «День, — говорю, — год кормит. Набери хоть мешочек шишек».

Слышим вдруг раскатистый протяжный рев. Спутница моя острит: «Уж не в животе ли от голода урчит?». «Где там, — го-

Медвежья осада

Рассказывают геологи

ворю, — это медведь рычит, страшно рычит, зверюга».

Эх! И зачем я сказала слово «страшно»? Напугала молодую специалистку — страсть! Остановились мы у самой кромки спуска на голой скале и смотрим, где же зверь. А рев раздается то справа, то слева внизу. Думаем, эхо отдается.

Наконец Марина с облегчением: «Смотрите, вот он, миша, справа на склоне в кустах шарашится». Гляжу — матерая животиная пасется, недовольно порывивая. Иногда эхо слева слышится. Подкладываем в кустер ветки стланика, ждем. У меня, конечно, пистолет в руке, но...

Постепенно стали успокаиваться. Смущало только то, что в зарослях вроде мелькал возле большущего медведя зверь пониже ростом. До мишки было метров 250, и кусты густые мешали.

Минут через 20 раздался очередной раскат рева, и на травянистую левобережную терраску выкатились друг за другом три маленьких медвежонка, за ними последовал зверь покрупнее — пестун. Сзади величаво выступала мамаша-медведица. Вид этой се-

мейной идиллии, естественно, не придал мне бодрости, а Марина, блестя глазами, произнесла почти серьезно: «Сгорю в костре, а вам не дамся!». Пылавшие к этому времени на скале два костра вполне по размерам сгодились бы для этой цели. «Жива останусь, пойду в продавцы!» — заключила девушка.

Я стреляла в воздух из пистолета, обе мы орали и визгливо, как умели, лаяли по-собачьи. Увы! Это и привлекло внимание зверей. Медведи повернули головы, и медвежонок-пестун (а он-то и крутился возле первого медведя-мамы) направился в нашу сторону. С замирающим сердцем следили мы за приближающимся мишкой.

Вот он подбежал к подножию нашей скалы и пропал из поля зрения. Может быть он поднимается по распадку к нам в тыл? Так впоследствии и оказалось. С ним столкнулись привлеченные выстрелами и криками начальник партии и пест Тарзан. Они и сняли медвежью осаду.

Е. АФАНАСЬЕВА,
ст. геолог Стратиграфической
партии.

Цикл стихов о России

А. Горбунов

Над самолетом тяжелые тучи
Ползут, угрожая губительным градом.
А ниже ландшафт, прямо в душу
плывущий:

Безбрежье равнин, крутоплечие гряды.

Квадраты лесов, как полки перед боем,
Под звуки рассветного гимна застыли.

☆☆☆

Красота несказанная
Неисхоженных мест.
Тишина первозданная
Льется прямо с небес.

Пахнет Русью дрёмуچهю,
Болью сердце шумит.
Память детства живучая
Русь из сказки хранит.

Тени прошлого носятся,
Я уснуть не могу.

☆☆☆

И раньше все также дожди моросили,
И предки, как мы же, любили Россию.

Вставали с зарей, любовались закатом
И землю ласкали сохой и лопатой.

У белых берез хороводы водили.
От этих берез на врага уходили...

Шли годы, века. Русь мужала и крепла,
Горела. И снова вставала из пепла,

Вот также с рассветами сомкнутым строем
Навстречу врагам поднималась Россия.
Вся Русь под крылом — не могу
насмотреться.

Отчизна моя, ты ни с чем не сравнима,
И все твои раны болят в моем сердце,
И каждая радость твоя ощутима.

Почему-то мне хочется
Встретить бабу-ягу.

В той заветной избушке
Без окон и дверей,
И всю свиту старушки,
Прирученных зверей.

Утро. Яркими красками
Заливается даль...

Я не встречусь со сказкою.
Да, не встречусь. А жаль...

И новых качала сынов в колыбели,
И те же березы над ними шумели.

А. ГОРБУНОВ

Стихи местных авторов

МЫ ПРОСТАВ ВОЙНЫ

Слова порохом таят с запада,	И неизвестно где, корчась в агонии,
С той же промозглой гнилой стороны.	Встретит холодное небытие, И никогда, Колорадо, Саксония...
Мир на пороге ракетно- атомной	Он не посмотрит на небо твое. На бесконечно родное, безбрежное.
Третьей, бессмысленной черной войны.	Он не увидит и тихий свой сад,
Только в эфире по-прежнему радостно:	Тот, что весной расцветает по-прежнему,
Легкая музыка, песни и джаз. Но не один Финнер, Смит и Андерсен	Так же печально стоит в листопад.
Толчат землю в последний раз.	Больше не встретит он утро морозное,
Завтра в сером мундире смертника	Он не проснется от вечного сна.
За «интересы» и «честь» страны	Люди планеты, пока не поздно —
С традиционно грустной несенкой	Вычеркнем грязное слово «война»!
В веко уйдет от детей и жены.	

А. Горбунов

Дружба

Каюры не пришли опять.
День прошел. Догорел закат.
Где они теперь, где их искать?
Только листья о чем-то шумят.
Нет ответа. Напрасно мы
Напрягаем внимание и слух.
Месяц спичкой на гребне волны
Вдруг зажегся и тут же потух,
У костра запоздалый совет.
Уплывает на запад ночь.
Жаворонок допел куплет
И умчался куда-то прочь.
В эту ночь невозможно уснуть.
Кто в тайге был, тому знакомо
Как тоска заползает в грудь,
Лижет сердце сухим языком,
Если ты понапрасну ждешь,
И потом неизбежно вдруг
Мозг твой страшная мысль

прожжет:
Не вернулся на базу друг.
Где он? Что с ним? Здоров или
нет?

В голове черных доводов рой,
Но найти не дает ответ.
Ей-то что, старушонке седой,
У нее свой суровый закон —
По возможности все скрывать.
Неизвестность со всех сторон.
Сколько можно сидеть и ждать...
Рано утром. Едва рассвет
Свежим ветром успел дохнуть,
Там где звери оставили след,
Двое тронулись в дальний путь.
Неустанно поет ручей
Непонятную песню свою,
Будто просит, — нагнись, попей.
Так и быть, уж вас напою.
Как же можно ему отказать?
Ведь ручей-то по-русски прост...

Что ж, попьем, нам еще шагать
Не одну, а десятки верст.
И опять за плечами рюкзак.
Все трудней и трудней идти,
На излучине, точно враг,
Водопад у двоих на пути.
Сохнут губы. Стучит в висках,
Тело тяжестью налилось.
Так и лег бы сейчас в кустах,
Притупил бы безликую злость.
Но упрямы идут и идут,
Им никак отдышаться нельзя.
Где-то рядом в беде друзья,
Где-то их с нетерпением ждут.
Пусть им будет трудней вдвойне
И преграды — десятки круч.
Двое знают, что здесь в тайге
Дружба ярче, чем солнца луч.
Потому им не страшен сейчас
Самый трудный, опасный маршрут.
Если надо, его не раз
Ради друга они пройдут.

ГЕОЛОГ СЛУШАЕТ МОСКВУ

Вечерний час. Привал короткий
В копне, затерянной в горах.
Уже налажена проводка:
Антенна брошена в кустах,
И у костра, вдали от дома,
Среди просторов Колымы
Мы голос родины знакомый
С московской слушаем волны.
Туман, как занавес, скрыл дали
И, словно, чувствуешь себя
В театре, в освещенном зале,
Как будто нет давно дождя...
И мы с певицей делим радость,
Любовь, разлуку и тоску...
Кавказ... Чукотка... — минус
разность —
Геолог слушает Москву.

Весна, весна...

Откровенное признание

(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ НОЯ)

Я, Ной, которого забыли
Уже все люди на Земле.
А те, кто в век потопа жили,
Все были преданы волне.
Лишь я, храня обычай свято,
Вершил по правилам обряд.
И божьей волею по благу
Заброшен был на Арабат.
Шел ливень ровно сорок суток,
Поток воды смывал людей,
Не слышно было песен, шуток.
Не помню я печальней дней.
Ковчег бросало, как качели,
Казалось, все — спасенья нет.
Но мы за весла дружно сели:
Я, Сим... Сам Хам и сын Афет.
С тех пор история не знала
Подобных этой катастроф...
Десница Господа устала
Карать людей и рушить кров.
И я боюсь себе признаться,
Грешно мне, но в XX век
Не будет бог с людьми
ругаться,
Сильнее бога Человек.

Вызывая огонь на себя

Зимы чаще бывают разные,
И приходят по-своему каждая —
То застенчиво, робко, несмело,
Будто землю белить в первый раз;
То, как эта, что вихрями белыми
Из-за дальних хребтов ворвалась.
Неудержанная, с буйством пьяного,
Взбудоражила все вокруг,
Словно мир передсказать заново
Одним махом решила вдруг...
...Люди тоже, как зимы, разные,
И приходят по-своему каждый —
Этот тихо, с испугом, с оглядкой:
Все ли правильно, все ли так?..
На земле, как на лестнице шаткой,
Он боится за каждый свой шаг;
Этот вихрем врывается, бурей,
Он с оглядкой ходить не привык.
Он везде: где вулканы курят,
Загрязняя лавой кадык.
Он пути пробивает к звездам,
В глухомани строит завод.
Смысл жизни его — не лозунг, —
Как ни трудно — идти вперед!
Отвергая мещанскую формулу:
«К телу ближе рубашка своя»,
Он в борьбу вступает со штормами,
Вызывая огонь на себя.

Человек в космосе

Двадцатый век — век скоростей,
Избытка мыслей и стремлений.
Нет неприступных крепостей
Для молодого поколения.

Идут подлодки подо льдом,
И молодые капитаны,
В сердцах храня свой отчий дом,
На картах отмечают страны.

А где-то над своей страной,
Над нашей «маленькой» планетой

Летит в ночи Береговой
И видит зимы, весны, лето.
И Антарктиды вечный лед,
Земные знойные пустыни.
И всей земле приветы шлет
Вьетнамцам, чехам и румынам.

Как жаль, поэтам не дано
Увидеть сверху мир подлунный!
Но это будет! Все равно!
И запоют искусства струны.

А. ГОРБУНОВ, геолог.

А. Горбунов

О ПЕТУХАХ

Жил был петух.
С достоинством
держался.

Прилично пел,
Хотя не знал и нот,
И по пивным петух тот
Не шатался.

Он, говорят, не брал
Спиртного в рот.

А у его,
У Петинной хозяйки.

Бывали, иногда,
Такие пьянки!...

Однажды,
После праздничной
попойки.

Достались Петуху

Остатки
От настойки.
Их отыскал Петух,
Откушал гуцу,
И чуть было не отдал
Богу душу:
Упал Петух без

И был таков —
Ногой не шевельнет,
Не вымолвит двух
слов.

Прохожая одна на
Петуха

«Напала»
Де — пропадает пух —
Взяла и ощипала

ОСТАТКИ

И выбросила вон
Беднягу-Петуха
И в этом не было
Греха.
Опомнился Петух,
Валяясь под забором,
Однако, встал
И прокричал с задором
Ку-ка-ре-ку!
Потом домой явился,
А там совсем
И головы лишился.
Для всех морали
Не бывает
Мораль для тех.
Кто много пьет,
А пьяный голову —
Теряет.

А. ГОРБУНОВ

У Т Р О В Г О Р А Х

Едва рассвет разлил по сопкам краски,
 И первые несмелые лучи
 Ошупывали склоны их с опаской —
 Отряд уже готовился к пути.
 Дым от костра стремился по долинам
 И исчезал в глухих распадах гор.
 Кедровки на согнувшейся лесине
 Вели между собою разговор.
 Печально где-то рядом ухал филин,
 Вращая полнолунием зрачков.
 Сохатый гордый шел неторопливо,
 Росу сбивая с веток и сучков.
 Тьма, отступая, пряталась пугливо
 В расселинах среди громады скал,
 И набежавший ветерок игриво
 Речную гладь легонько поласкал.

Г. МИШАФИН

На субботнике

Бились прадеды
Веками,
Дух крепя,
Тела постив,
Мольбы их не привлекали
Невнимательных святых.

Но на смену
Всем поверьям,
(не в расчет
на простоту!)
Не один небесный термин
Ныне жив
У нас в быту...

Не боясь
Святых капризов,
Не кадя
Ладанный дым,
Вслед за словом
«телевизор»

Мы
«Орбита» говорим.

Вот такая-то забота
(сверхнебесные дела!)
В утро мартовской
субботы
Всех пораньше подняла.

Шли работники райкома,
РСУ и ПМЕ,
И любой подумал дома
О поклаже рюкзака.
Шутка — шуткой
Дело — делом!
Становись,
Бери пилу!
Шумно падал
В блеске белом
Лиственничник —
Ствол к стволу...

Плечи,
Спины
Снежным хлопьям
Подставляя не впервой,
Повели
По вечным топям
Северяне
Путь прямой.

Все
В одно слились,
Связались
В дерзком замысле своем:
Вызывал
Восторг
И зависть
Этот
Праздничный подъем!

И не зря —
Уже к обеду,
Кое-кто отметить мог,
Как концовку,
Как победу,
Свой
Исполненный урок.

Г. МИШАРИН

ГОРИЗОНТ

Горизонт
Вдали очерчен,
Горы
Небо не теснят.
Но пытливы
И недоверчивы
Стороны ответный взгляд.
Пусть она —
Кругом открыта,
Вся видна
Издалека.
Здесь,
На тропах следопыта,
Сразу видят
Чужака...
Но не извесив,
И не признав,
Что мне ждать
В чужом краю,
Я тайге
Не брошу вызов —
Просто
Всерю жизнь свою.
И уверен,
Как ведется,
Не вслепую
И не вдруг
Для меня и здесь
Найдется
Спутник завтрашний
И друг!..

Г. МИШАРИН, рабочий АЮНЭ

ХАНДЫГА

Без оглядки,
Без печали,
Здесь гостит еще зима.
И дымят себе печами
Деревянные дома.
Это — Север.
И не диво,
Что пора ее долга...
На поселок нелюдимо
Смотрит серая тайга.
Глушь,
Безлюдье,
Бездорожье,
Лучший путь — воздушный
мост!
Похвала была бы ложью:
Прост поселок,
Слишком прост.
Ни чудес архитектуры,
Ни свидетельств старины,
И не броский вид с натуры,
Но прикрасы —
Не нужны!
Белый короб теплотрассы
Протянулся за окном —
Без надуманной прикрасы

Рядом ставят
Новый дом.
Глянь —
Еще через дорогу
Корпус цеха и жилье...
Расширяясь понемногу,
Знает Хандыга
Свое!
Возводить дворцы не к спеху —
Прежде людям нужен кров.
И в районе вторят эху
Сотни звонких
Топоров.
И в тайге,
И в даях хмурых,
Глядя пристально вперед,
Без чудес архитектурных
Жизнь упрямая встает.
Пусть хранит какой-то город
Свой уклад и облик свой.
А над нами
Каждый провод
Устремлен
На связь
С Москвой!

☆☆☆

Искренне, возвышенно,
смешно.

Говорите над кроваткой сына.
Шепотом —

на танцах и в кино.
В вашем старом, в вашем
новом доме,
В час прощаний — руки на
плечах —

На перроне,
на аэродроме,
Реактивный гром перекричав.
Пусть толкуют вам, что это

Пусть толкуют вам, что это детскость,
Пусть в стихах доказывают вновь
Истину известную —

Истину известную — что, дескать,
Молчалива сильная любовь.
Пусть при этом поглядят

Превосходства, даже с налетом
торжества...

Для чего придуманы народом
Добрые и светлые слова?
Для чего им в словарях пылиться?

Говорите!
И подруг! Радуйте невест
Не бойтесь повториться.
Уверяю: им не надоест.

Революция движется,
 двигается
Еще в недрах и тайниках.
Революция перышком

пишется,
Революция — в черновиках:
Еще с ятиями,
С твердыми знаками...
Занавеску с окошка — прочь!
Над лесами,
Над буераками,
Над Сибирью —
Вся в звездах ночь.

Спит село, забывая торести.
У околиц — волчьи следы..
Человек пройдет по
горнице,
Отхлебнет из кружки

Снеговой, деревенской,
Бросит мельком (до них
ли тут!)

Взгляд
На шахматы, на
расставленный

Ссылным другом вчера
Этюд...

Как снега вокруг
ослепительны!

Как не скоро еще заря!
Далеко-далеко

До Питера,
До «Авроры»,

До Октября,
Далеко-далеко

До конника
В звездном шл

с клинком в руке.
Тянет сыростью с

подоконника
Струйка холода по щеке.

Сколько в мире тропинок
спутанных —

Все пойми
И все одолей!...

Далеко-далеко
До спутников,

До космических кораблей.
Ленин пишет...

Пашет!
Разваливает
В

Пласт — как плугом
по целине...

С язычок свечи разговаривает
С отдаленной звездой в окне

З И М А

Пришла зима! Пришла зима!
Морозный день пришел.
Как весело, как радостно
Катиться в санках с гор!
Катаемся на лыжах,
Коньки с собой берем
И на катке, веселые,
Мы катимся вперед.
Мороз на окна все глядит,
Рисует он узоры
И в эти зимние деньки
Гуляет по простору.
Силен мороз, сковал реку,
Деревья в серебро одел
И песню звонкую свою
В тиши лесной запел.
Сосна, как будто часовой,
Дозор ведет лесной.
Спят ели крепким сном,
И все покрыто серебром.
И все одним, одним живет:
Как хорошо кругом!

НАТАША ВЫГУЗОВА,
ученица 4-го класса.

ВЕТЕР ХОХОЧЕТ

(Новелла)

Солнце было, но оно не светило.
Солнце спряталось в серую
пену облаков.

Почему?

Собирались хлынуть дождь.
Он долго собирался, но не
хлынул.

Уткнувшись в сопки, дремали
тяжелые тучи.

А под ними гулал ветер.

Тайга кланялась ему, шелестя
радугой осени.

Модные рыжие березы тихо сы-
пали к его ногам звонкую листву,
а он хозяином обходил роши и
всюду шептался с тайгой, раска-
чивая ее в сильных руках.

О чем шептался?

Наверное о любви...

Иногда он останавливался у
одной из берез, медленно переби-
рая ее рыжие пряди и, целуя неж-
но, отходил прочь.

А они, отдаваясь его порыву,
шумели, тянулись навстречу, за-
путывая ветреного, неуловимого
в своих ветвях.

Старый Кедр качал седой кро-
ной и молчал.

Любовь не ругают...

Уж если она зажглась, то горит
по своим законам!

☆☆☆

По тайге бродили двое.
Бесцельно, неопределенно, нику-
да...

Просто бродили рука в руке:

Белая, нежная, маленькая в
жилистой и некрасивой.

Она держала в губах рыжий
березовый лист...

Он выбирал дорогу...

Рядом вихрем прыгал ветер по
тропинкам...

Ветер, влюбленный сам, любил
влюбленных.

Небо хмурилось над головами,
пытаясь выжать громы...

А они шли, шли в тайгу, раст-
воряясь в толпе берез...

Он прилег в траву-радугу.

Она рядом.

Он врос глазами в небо, серое,
дурное, в котором нет солнца.

Курит и воображает...

— Чего я хочу?

Она хрупкая, светлая, стройная,

как березка, придвинулась и тя-
нется...

А рядом шепот, а рядом шелест
и ветер...

Тянется с Алдана прохладой...
Она тянется к нему... Нежная,
загадочная —

Крутит в зубах листик и смот-
рит...

А он?

Вдруг —

Встал надменный, глухой и гру-
бый.

Уставился в серые большес, на-
пуганные, влюбленные глаза.

Читает сухую мораль:
цветную, как осень,

Скучную, как хмурое небо,
Длинную, как Архимедов рычаг.

О чем?

О любви!?

Старый Кедр качает седой кро-
ной, возмущенный,

Любовь нельзя учить — она
очень гордая!

Любовь — песня.

У каждого своя такая песня.

Обидел... За что?

Током прошило небо за гори-
зонтом.

Ветер мечется по лесу. Ему
стыдно.

Он не привык к такому.

Ветер умеет любить,
Ветер обвил сильными руками

молодую березку, приник к ней,
жарко целуя:

— Смотри, как надо!

Березка сыплет лист, обнажая
стройную белизну ствола.

Счастливая!..

Трепетает, она...

Очень счастливая.

☆☆☆

Солнце было, но оно не светило.
Уткнувшись в сопки, дремали

мрачные тучи.

Она сидела сжавшись. Лицо
руками закрыла.

И больно, и стыдно...

Он стоял отвернувшись.

А в глаза ему дерзко

хохотал ветер.

Г. ЧЕРНЫЙ.

Редактор И. А. СМОЛЬЯНОВ.

ИЗ ЛИРИЧЕСКОЙ

ТЕТРАДИ

СИНЯЯ ПТИЦА

Кто тебя видел,

Синяя птица?

Где ты летаешь?

Где ты живешь?

В каких цветах

Ты прячешь счастье мое,

Синяя птица?

Я люблю ромашки и маки.

Люблю ковыль...

Я часто брожу

По белому облаку,

Которое возшло на лугу.

Я ложусь

На алую грудь рани,

Прикорнувшей на тихой

опушке,

Рядом с белым облаком,

Я черпаю полной горстью

Нежность

В шелковом шелесте ковыля,

Я пью сияния розинок...

Но ты не любишь

Белое облако ромашек,

Не любишь алую жгучесть

маков,

Тебя не манит

Взволнованная страсть

Буйной ковыльной степи.

Ты не глядишь

На богатую россыпь росы,

Синяя птица!

А я пошел бы так далеко,

Как ты прикажешь.

Я собирал бы

Липкую сухость репейника,

Если тебе это по душе,

Я полюбил бы ландыш

И ту сырость,

Котрой он отпугивает солнце.

Синяя птица!

Г. Черный.

Если бы ты позвала,
Если бы хоть однажды я смог
Услышать твой голос
В стрекоте птичьем,
Если бы
Хоть одним глазком,
Хоть бы скользким взглядом,
Хоть бы, как вспышку искры,
Я увидел свое счастье,
Синяя птица!

Я НЕ СМОГ НИЧЕГО

Тебя сломили.
Тебя украли разлуки.
И я не смог
Пламенем моего сердца
Сжечь их наседающие цепи.
Они тебя мучили
Завистью
И ревностью ко мне,
Пророчили... пугали
Траурным гимном одиночеству.
И сломили...
А я не смог
Силой моей любви
Перекричать их хор,
Чтобы ты услышала
другую песню —

Песню жгучих лучей солнца,
Которые я давно собрал
В один огромный букет,
Чтобы подарить тебе...
Это лучшее, что может
Собрать человек...
Но тебя сломили,
Тебя украли разлуки.
И я принес теперь этот букет
На могилу нашей встречи
Я не смог ничего...
Потому что и меня
Украли
Километры
Необъяснимой дали.

Г. ЧЕРНЫЙ.

ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ

Дождик,
Дождик...
Снова дождь
С крыши льет
Ручьями,
А мальчонка
От дождя
не бежит —
Упрямый.
Кличет мама
из окна:
«Убегай, сыночек.
Ты промокнешь,
Пострелок,
И простынешь
Очень».
«Ничего, —
Картавит он, —
Дождь, ведь
не беда.

Я хочу
расти быстрее,
чем растет трава.
Вышло солнце
из-за туч.
Засверкали
капли.
Жаркий высунулся луч
и просохли
капли.
Воробей из щели
вылез.
Глянул
глупо
в небо.
«Чик-чирик
спросил, —
Всерьез,
дождик был
иль не был?».

С м е ш и н к и

— Алло! Это директор?
Я хочу вас предупредить,
что мой сын не сможет сего-
дня прийти в школу.

— С кем я говорю?
— С моим отцом!

☆☆☆

Мать спрашивает сына:

— Где твой дневник?
— Отдал его на один
день товарищу. Он хочет
попугать своих родителей!..

☆☆☆

— Папа, я сэкономил
тебе деньги!

— Как же ты это сделал?
— Тебе не придется по-
купать мне учебники на сле-
дующий год: я остался в
шестом классе.

☆☆☆

— Послушай, ты уже 30
минут стоишь у доски и не
можешь объяснить закон!

— Не торопите меня, по-
жалуйста. Даже сам Фара-
дей потратил на этот закон
несколько лет.

Редактор И. А. СМОЛЬЯНОВ

ИЗ ПОЭТИЧЕСКОЙ ТЕТРАДИ

ХОЧУ!

Г. Черный

Чего я хочу?
Вопрос по существу.
Чего я хочу?..
Ответить не трудно,
Хочу:
Чтобы женщины
Павой ходили,
Красивыми, пардыми,
Счастьем полны!
Хочу:
Чтобы солнце
Над ивой плакучею
Хмурю тучу
Прочь отвело.
Хочу человечество
Видеть не в муках,
А в пляске
Безудержной,

Страстной, хочу!!!
Хочу:
Чтобы звезды
Светили вечно
Каждому, в каждый
Положий день!
Хочу:
Чтобы жизнь,
Как мелодия «Барыни»,
Веселой, задорной и
светлой была.
И чтоб никто,
Никогда
Не стрелял в вас...
Люди!
Этого в жизни
Хочу!

Г. ЧЕРНЫЙ

УБЕЖАЛА ЛЮБОВЬ

Убежала любовь,
Испугавшись
Трудных дней,
Мне теперь,
Одному оставшись,
Веселей.
Не за кем
Головою угрюмой
Думу бить.
Снова ветер
В лицо

Свежий дунул, —
Легче жить.
Медлить, чтоб
По печалям
Мотаться —
Не хочу:
С прошлым
легче всегда
Расставаться
На бегу.

Г. Черный

ХОРОШО

Хорошо, когда солнце светит.
И пушистые тучки спешат в
закат,
Когда ива склонила плети
И орлы над пучиной парят.
Хорошо, если есть лодчонка
И спокойная гладь реки,
Если к корме прикорнула
девчонка
И на воде разводит круги.
Хорошо, когда друга рядом
Можно чувствовать каждый
час.

Хорошо среди цветущих
яблонь
Заглянуть в доброту его глаз.
Хорошо, когда есть работа,
Хорошо, когда есть дела,
Когда после десятого пота,
Словно радость, суббота
пришла.

Когда начатый дом построен,
Когда космос приступом
взят,

Когда тысячи новостроек
Поднимают свой юный стяг.
Когда песня мотив свой
грустный

На веселый сменила лад,
Когда рядом грузин и русский
Из единой тарелки едят,
Когда дружкой одною спаян,
Когда нет различий и рас,
Когда лед между странами
стаял,
Когда факел военный погас...

ШАХМАТИСТАМ ХАНДЫГИ

После рабочей смены,
Забыв о горячем дне,
Мы, Крест-Хальджая спортсмены,
Снова седлаем коней.

Качаемся в седлах подолгу,
Сходимся в пешем строю
Высшее чувство долга —
Честь отстоять свою...

...О Вас распространяться я не стану
С тех пор еще прошло немного дней,
Когда легли знамена Колмакана
Под ноги Ваших резвых лошадей.

Однако этим Вы не обольщайтесь,
Не упивайтесь сладостью молвы
Вас ждут бои. Соседи, опасайтесь.
Предупреждаем — мы идем на Вы!

Ветврач Василий в боевых доспехах,
Молодцевато держится в седле.

Мы верим, что добьется он успехов
В упорной и решительной борьбе.

Четыре воеводы (все Иваны)

Военное познали ремесло:

Нимцович, Флор, защита, Кара-Канна

В их арсенале, и в руках весло.

Ладьи пойдут вперед неумолимо,

Пойдут вперед могучие слоны,

Доказано (читайте войны Рима)

Они надежны были и сильны.

А я седому полководцу Лева

Сюрприз-гамбит шотландский — поднесу

Король его метаться будет голый

Среди моих фигур как волк в лесу.

Применим тоже хитрые ходы,

С любителем комбинации Иваном

Расставим и ловушки и капканы

Сухим он вряд ли выйдет из воды

Разбив Ваш центр, мы разобьем

и фланги

Нет, не уйдет Файзуллин от
цунгцванга.

Баланова посадим мы в цейтнот.

Друзья, мы честно Вас предупреждаем

Не говорите — не было Вам нот.

И эта нота — признак нашей силы

Мы вероломство отмечаем прочь

Открытый поединок в нашем стиле

С достойными, готовьтесь день и ночь!

СТИХИ МЕСТНЫХ АВТОРОВ

Л. ТЕТЕРЕВКОВА.

В пионеры меня принимали

В памяти, как дату дня
рождения,
Как одну из самых
главных дат,
Я храню тот майский день
весенний,
Был который девять лет
назад.
Был он необычно звонким,
Воробьи купались в ручейке,
И бежала в школу я —
девчонка,
С пионерским галстуком
в руке.
Радостью и гордостью
сняли,
Улыбались солнышку глаза:

Нас ведь в пионеры
принимали,
Так хотелось это всем
сказать.
А из школы не бежала я
— летела.
Ветер галстуком моим играл.
Прыгала от счастья я и
пела,
Каждый мою радость
понимал.
А теперь уже я комсомолка,
И давно без галстука хожу,
Но тот день весенний,
майский, звонкий
Я в душе по-прежнему
ношу.

Л. ТЕТЕРЕВКОВА.

ЭТО ЗНАЧИТ — Я ЛЮБЛЮ

Если в серый зимний день
В нашем северном краю
Белая цветет сирень,
Это значит — я люблю.
Если белый снег идет,
И снежинки я ловлю,

Если синий дождик льет,
Это значит — я люблю.
Если снится пароход
И росу я утром пью,
Если светел небосвод,
Это значит — я люблю.

☆☆☆

Снег пушистый падает на плечи,
Серебрят деревья, провода.
Мне с тобою горе встретить легче,
Мне с тобою горе — не беда.

ОТВЕТ ШАХМАТИСТОВ ХАНДЫГИ

Ваш вызов приняли. Готовы.

Не испугались, страха нет

Позвольте нам всего два слова

Сказать, «противники», в ответ:

Победные Вы зрите стяги.

В мечтах Вы можете их зрить,

Но вы забыли про овраги,

А ведь по ним еще ходить.

САМОЛЕТ

В глазах мальчишеских
восторг и зависть:
Еще бы —
есть завидовать чему.
Вот если бы ему
сейчас сказали...
Иль просто
разрешили бы ему
Залезть в кабину,
фонарем прикідаться
И так сидеть...
чтоб был совсем один
И пометать, что ты
летишь, как птица,
Над высотой
заснеженных вершин.

☆☆☆

...Во всем послушна
мощная машина
В больших просторах,
Над любой страной.
И путь по небу
выхвачен турбиной
И он отмечен белою стрелой.
Летишь, летишь!
Летишь навстречу ветру.
Навстречу солнцу!
Выше облаков.
И, как Гагарин,
на свою планету
Глядишь прищельцем
из других миров...

☆☆☆

Лицо мальчишечье
в восторг одето,
И пусть пока стоит он
в стороне,
Но будет время и
его ракету
Придут встречать
с цветами на Земле.

Наталья БУРОВА

РУКИ МАТЕРИ

Руки матери —

Темные узловатые руки.
Я смотрю на них,
Как на произведение
Величайшего из творцов.
Эти старые руки
Спазмы в горле рождают,
Как изрытое оспой
Дорогое лицо.

Руки матери —

Темные узловатые руки —
Не касались ни клавиш,
Ни сверкающих гордо
камней.

Собирали кизяк,
Вымя теплое мыли
И свивали
Тугие пеленки на мне.

Руки матери —

Темные узловатые руки —
Строчку ниток ровняли
В снегопады и в зной.

Литературный УГОЛОК

Этой строчкой из ниток

Разноцветных, как
радуга,
Можно коконом емким
Оплести шар земной.

Как святыни, целуют
Руки нежных красавиц.
Дарят пышные розы
За холодную красоту.
Редко люди целуют
Узловатые мудрые руки
За тепло материнское,
За доброту.

Руки матери —

Темные узловатые руки.
Я смотрю на них,
Как на произведение
Величайшего из творцов.
Но она не позволит
Целовать эти теплые
руки —

Эти крылья,
Несущие судьбы птенцов.

☆☆☆

Не боги горшки обжигали,
Не боги стояли над горном,
Русалок и леших пугали,
Бурили в ущелии горном.
Роженица в страшных

потугах,
Свой облик утратив,
хрипела.
Рождалось грядущее
в муках,

А иволга весело пела.
Луну стороною обратной
Увидели первыми люди.
Не ангел в одежде парадной
Пески пересек на верблюде.
Не боги ложились под танки,
Со смертью сражались
не боги.

Крутили шоферы баранки,
Шипели, как змеи, дороги.
Ликует творец над
созданьем...

Но крейсера есть и пироги.
Планетою и мирозданьем
Не будут командовать боги!

„САРДАНА“

Стихи местных
авторов

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

Ель, засыпанная снегом,
На плечах держа красу,
Как девица в холодной ноге,
Держит блую носу.
И в застёжках белой шубки
На нее глядит сосна...
Только верба в узкой юбке
— очень модная она.

☆☆☆

Ты стояла грустная такая
И была, казалось, чуть жива...
Стынули, ресницы заплетая,
На глазах снежинки-
кружева.
Я боялся. Ты могла очнуться.

Литературный УГОЛОК

А. КОКИН, геолог АЮКЗ.

Хоть с тобой и на морозе мы,
А к тебе не мог я прикоснуться
И спугнуть прелюдию зимы.

☆☆☆

И тиха. И ласково-нежна.
Над палаткой — зимняя сосна.
Сторожила эту тишину,
Звезды, небо, бледную луну.
В том безмолвьи снежном
и пустом
Только я забылся тяжким
сном,

Не видал безмолвия чудес,
Как играл с луною белый лес.
Как сверкал своею белизной
Великан-утес береговой;
Как река, застывши синим
льдом,

До весны ушла в хрустальный
дом...

Я не видел. Ничего не знал.
Все во сне я за весной бежал.

☆☆☆

Наша Светочна,
Словно веточка,
В пуховой шапочке.
С нашей Светочки,
Как будто с веточки,
Снежинки падают,
Распускаются.
Ресницы белые
В пляс пускаются.
Если Светочку
Поставить с веточкой,
Две рядом Светочки,
Две рядом веточки.

☆☆☆

А. Кокин

Во мне —
порыв неудержимый,
Он, как поток и как река!
Меня зовут снега, вершины
Далеких гор, их синева.
И чистый воздух
пьяным-пьяно
Закружит голову. Пою.
А солнце на заре багряной

Сойдет, вдруг, на тропу
мою.
Потом захочется напиться
Всей этой терпкой красоты.
И самому переродиться —
Стать выше этой красоты.

Редактор И. А. СМОЛЬЯНОВ.

А. Кокин

ВЕСЕННИЕ ЭТЮДЫ

☆☆☆

Дождик стеклом дребезжит,
Струйки стекают, как
слезы...
Как же мне хочется жить,
Слушать весенние грозы.
Как в детстве бежать за
поля
Смотреть в напоенные дали.
...Бредут по воде тополя,
Сережки в затоны упали,
На солнце хочу посмотреть,
Что в заводах тихо вставало,
В весеннюю ту коловерт
Лучи золотые вплетало.

☆☆☆

Какая ты смешная и
красивая,
Какая ты хмельная от весны.
Какая ты несказанно
счастливая,
Какая не растроченная ты.

В моем окне, как на ладони,
Луна щербатая видна.
Я в темноту гляжу до
боли,—
Где задержалась ты, весна?...
Прошел прохожий по дороге,
Под шагом хрустнул хрупкий
лед.
Весна у марта на пороге
Остановилась, не идет...

☆☆☆

Сосульки хурсталаем
Сверкают под оконцем,
А капли хоть и стынут
на лету,
Но так уже
Насыщены все солнцем,
Что тронешь их и...
выпустят весну.

Не одни лишь радости, а трудности
Тоже встанут на твоём пути.
Главное, останься все такою,
Хоть и будешь от меня вдали.
Славною, красивою, простою.
Самой лучшей девушкой земли.

В. Зубарев

Литературный УГОЛОК

Солдаты запаса

Шла в шинели юность боевая,
Гас закат и пламенел восход,
Серебро тревоги рассыпая,
Поднимала нас труба в поход.
А плечо нам обнимала снатка,
И была дорога далека.
Мерзлый грунт долбили мы лопаткой,
Ели в поле борщ из котелка.
Прошивали мы свинцом мишени,
В «связь» входили на «второй волне»,
Брали штурмом дамбы и траншеи,
Словом, было все, как на войне.
Но потом смолкала перестрелка,
Угасал учебный жаркий бой,
И взглянув на часовую стрелку,
Сигналист нам возвещал «отбой».
Нас, прошедших и огни, и воды
Тишина уютная ждала.
Мы в колонну строились повзводно
И в казармы снова рота шла.
Запевал веселый запевала,
Самый знаменитый из басов.
Песня птиц в небеса взмывала,
Брошенная сотней голосов.

...Сотни раз с тех пор уж обежала
Часовая стрелка циферблат.
На перроне энского вокзала
Распрощался с армией солдат.
Шагом строевым проходят годы
И встают в шеренге день ко дню.
Но как память о былых походах
Я погоны красные храню.
Может быть солдат за Эльбой где-то,
У флага, на линии огня
Снова в форму вермахта одетый
Целится в далекого меня.
Если вдруг повеет в мире смертью
И ударит сердце, как набат,
Люди, снова вспомните Освенцим!
Вспомните восставший Бухенвальд!
Вспомните военные дороги,
Сотни жертв и пролитую кровь...
Чтобы не был шар земной в тревоге,
Чтобы не был неспокоен вновь.
Начеку мы с каждым днем и часом,
Зорек глаз, как сталь рука тверда.
Не зовите нас «Солдат запаса» —
Сердцем мы в строю стоим всегда!

Отчизна

Как утес гранитный мать-Отчизна
В своей красе, величии своем.
И о ее цветущей, светлой жизни
Мы песни звонкие поем.

Легко мы грудью полной дышим
Под солнцем счастья золотым:
Солдатский долг всего превыше —
Служить с задором молодым.
Мы зорко бережем границы
Здесь, на земле, а в небе голубом
Покой страны хранят стальные птицы,
Под серебристым что парят крылом.
Вступают в строй все новые заводы,
Растут и крепнут наши города —
Все это нам доверено народом:
Оберегать плоды его труда.

Присяга

Под развевающимся стягом
Перед лицом своих друзей,
Я дал военную присягу
На верность Родине своей.
Незабываемыми в жизни
Минуты стали торжества,
Когда взволнованно Отчизне
Я клятвы произнес слова.
Горжусь я званием солдата,
Советской Армией горжусь,
Ее историей крылатой,
Ее победами горжусь.
И службу в Армии такой
Священным долгом я считаю.
Ведь я страны своей родной
И труд и отдых охраняю.

Э. МИРОНОВ.

Гармонь

Все сыновье матери так мило,
Потому ревниво от друзей,
Мать гармошку бережно хранила
Много долгих, одиноких дней.
А теперь поставила на лавку,
Радость сыну будет не одна.
Старый пес вдруг весело загавкал,
Чья то тень мелькнула у окна,
В коридоре слышен шум метелки,
Дрожит глухая старых половиц,
На пороге чистенькой светелки
Перед матерью предстал Борис.
— Сокол мой, кровинушка родная,
Ты с пути измучился, устал.
Не заметила, сынка встречая,
Что сынок-то даже не обнял,
А когда она его коснулась,
Принимая на руку шинель,
Задержала, тихо пошатнулась,
Как и лесу подрубленная ель.
Удержалась, отошла немножко,
Быстро с головы сняла платок
И прикрыла старую гармошку,
Чтоб гармошки видеть сын не мог,
И теперь невыносимой мукой
Жег глаза ее сухой огонь.

Сын пришел калекой одноруким,
А она, ему—гармонь!
А солдат стоял не шелохнулся,
Лишь в ресницах таяла слеза,
Посмотрел на мать и улыбнулся.
И сердечно ласково сказал:
— Даже к смерти выходил я прямо,
Грудь на грудь встречал в бою врага,
Не жалею меня, не надо, мама,
Мне не жалость, ласка дорога.
Я живой пришел к родному краю,
Значить, долго, долго будем жить,
Дай-ка, мать, как прежде, я сыграю,
Чтобы жить нам, жить и не тужить.
— Эх, сынок, недоброе заладил,
Сердце матери ты шуткою не тронь,
А боем в серебряном наряде
Вдруг губную достает гармонь.
И полилась песня удаляя
Над просторами полей и рек:
«Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек»...
А гармонь—трехрядку торопливо
Уложила мать опять в сундук
И сказала ласково, ревниво:
— Пригодится, коли будет вьюк.

А. Лысенко

ОСЕНЬ

Октябрь. Месяц золотой,
Прохладой воздух напоенный.
Деревья с рыжей бородой,
На вас гляжу я, как влюбленный.
Прошла уж журавлей пора,
И по утрам туманы бродят.
И лето так же, как вчера,
С тобою, осень, херводит.
Летит с деревьев желтый лист,
Стернею поле золотится,
Готовясь с Родиной проститься,
Шлют птицы свой прощальный свист.

ЦЕЛИНА

Помню, как на свободные земли
Мы пришли поднимать целину.
Трудно было, но мы не rebели,
Ковылим объявляя войну.
Нас в палатках морозила вьюга.
Заносила нас снегом зима.
Теплотой согревали друг друга
Сокровенные наши дела.
А весною дожди нас хлестали,
Мокли, ларили в палатках сырых.
Но как в песне —мы кованы сталью,
Нам победы нужны для живых.
А теперь колосится пшеницей.
Покоренная нами земля.
И палаток уж нет,
А станица, —
Краше города стала моя.

А. Смирнов

Из „Якутской тетради“

Люблю Якутию

В полутьонах и сумерках
Находит кто-то предель,
А мне претит до сидорог
Расплывчатость и престность.
Умеренность, размеренность...
Нет! Если злостью, так —ярость!—
Во всем, чтоб неразменяемость,
Во всем чтоб—ясь и яркость!
Пусть кто-то, душу кутая,
Решит, что это—крайность.
А я люблю Якутию
За сверхконтинентальность, —
За щедрость —зной в июле,
Январь—за лютость стужи...

Родился я на юге,
А в север влип по щии.

☆☆☆

Страна Якутия...
Речушка Хандыга
Девчушкой хиденькой
Бежит, прихрамывая.

Ой, вдруг оступится!..
Не оступается.
А сопки сунятся,
Но расступаются.

Пейзажи Рериха!
Да, что там Рерих?!
Ой, речка-реченька!
Ой, дикий берег!

МОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Кто сказал, что у нас
Нет разведок, атак
и сражений?
Кто сказал, что давно
отгремели
за счастье бои?
В наступленьи растет
боевое
мое поколение,
Взяв в наследство заботы
и славу отцовской
земли.
Нам сегодня под тридцать.
Мы знали обстрелы
и голод.
Стены наших домов
Оседали в горячей пыли.
Только горькие письма
на фронт не писали
в те годы—
Ведь навстречу с фронтов
матерям похоронные
шли,
Эта боль до сих пор

не забылась,
сжимает нам
горло...
Овдовевшие матери
называли
кормильцами нас.
Стали старшими в семьях
в те дни мы,
Взрослея от горя,
И на место отцов,
приняв нас
атакующий класс.
Мы в отцовских спецовках
ночные смены
стояли,
Привыкая не сразу
К гудкам тыловой тишины,
А ночами учились
И первые строки слагали,
и ложились под
утро
Досматривать детские сны.
И с тех пор — навсегда —
У станков, в поездах ли,

О. Сирицын

в ракетах
Беспокойно живем мы
среди песен,
железа, огня...
Рядовые страны —
инженеры, солдаты
поэты,
Нам для дел недостаточно
самого длинного
дня.
Кто сказал, что у нас
нет разведок, атак
и сражений?
Мы за светлое завтра
ведем непрерывно
бой
В наступленьи растет
боевое мое
поколение,
Взяв в наследство заботы
и славу отцовской
земли.

БЬЮТ КУРАНТЫ

Бой курантов кремлевских
Над страной плывет.
Через реки и горы
К нам спешит Новый год.

В разноцветных узорах
Всюду окна домов,
Светом залит поселок,
Встретить праздник готов.

Вот в такие мгновенья,
Дорогие друзья,
Вдруг приходит волненье,
Быть спокойным нельзя...

Словно, вижу я: с новым
Старый встретился год.
И в молчаньи суровом
Смена смену сдает.

Потрудился он честно,
Было много забот.
Ну, а ты, неизвестный —
Пятилетки начальный год?

Ты шагай все смелее
К коммунизму вперед!
Много новых открытий
Впереди тебя ждет.

Бьют куранты на башне,
И повсюду слышны:
Слава партии Ленина!
За успехи страны!

Н. ТАБАКАЕВ,
рабкорр.

МОНТАЖНИК

За блоком—блок,
За блоком—блок,
И вот стена готова.
Из плит уложен потолок,
И ставят плиты снова.
Так дом растет день ото дня —
Большой, многоэтажный,
А собирает для меня
Их опытный монтажник.
Он каждый выучил чертеж,
И знает все детали —
Вот почему мой дом хорош,
Где мне квартиру дали.

ОПОРЫ

То идут через леса и пашни,
То гуськом карабкаются в горы,
Маленькие эйфелевы башни —
Линий электрических опоры.
Им порою трудно, ох как трудно—
Сквозь пески и заросли кедрача...
Провода, гудящие, как струны,
Проносить им на своих плечах.
Их в дороге вьюгами обвеет,
Сколько раз им ночь прикажет: «Нет»
А они торопятся быстрее
Принести нам и тепло и свет.
От дорог и от тревог уставшие,
Они скромно входят в каждый
город,
Маленькие эйфелевы башни —
Нашей жизни верные опоры.

ЛЮБОВЬ МОЯ, ЯКУТИЯ

Ты для меня, потомственной
славянки,
Чьи предки под Рязанью
родились,
Родимый край в цветеньи
толокнянки,
Якутия — любовь моя и
жизнь!
Ну как же не любить твои
аласы,
Когда они до боли мне
близки.
Простором русским,
многоцветьем красок
И нежностью ромашковой
пурги,
Якутия, суровая, родная,
В глазах раскосых искры
доброты...
Ты вся моя, от края и до
края,
Тебе мои напевы и мечты.
Не оттого ль напевы эти
звонче,
Что вторят они песням
твоих зим.
Что олонхо — якутский

колокольчик —
Навек меня к тебе
приворожил.
Как благодарно в сердце
не делить
Твой образ, бесконечно
дорогой:
Ведь о тебе — счастливой —
думал Ленин,
И помыслы вождя сбылись
судьбой.
Судьбой твоею нынешнюю
светлой,
Свободной от неволи
навсегда,
Где стал якут земли родной
поэтом
В твореньи вдохновенного
труда.
И я горжусь, что в ритме
будней жарких
Народ якутский строит
коммунизм.
Привет тебе от дочери-
славянки,
Якутия — любовь моя и
жизнь!

А. ТРУСОВ

В пути

Разметала трасса километры,
Жмет мороз под минус пятьдесят.
Гонят с Колымы поземку ветры,
Множит колючий снег назад.
Светом фар прорезана завеса
В темной завывающей пурге.
И чуть-чуть заметно кромку
леса,
Что стоит совсем невдалеке.
Мы вдвоем с водителем в кабине
Разговор затейливый ведем,
Сквозь туман и наледи в долине
Груз для экспедиции везем.
Не близка тяжелая дорога
При суровой северной зиме.

Вот у зимовья вздремнем
немного
А к обеду будем в Кюбюме.
Хорошо в конце пути, у дома,
Вспомнить, как пришлось
проехать нам,
Изредка монтируя баллоны,
Атку, Бурхалу и Кадыкчан.
Позади осталась даль
простора.
Нам пути — на несколько
минут.
Под надежный, ровный
гул мотора
Скоро наш закончится
маршрут.

ЮНЫЙ ЗАДОР

Виктор АЛДАНСКИЙ

В нашу бурную эпоху,
Что минувшим не чета,
Помечтать отнюдь не плохо!..
Почему не помечтать?..
Без фантазии ни шагу,
И мечтами мы горды,
Тем не менее однако
Есть нелепые мечты.
— Я б расплавил полюс
Южный,
Чтобы стгнули все льды
И, взамен метели вьюжной,
Веял ветер теплоты,
Чтобы там росли пшеница,
И морковь, и огурец!..
Мы б могли повеселиться!..
Пронзес один юнец.

А представим на мгновение:
Что бы сделалось тогда?
Началось бы наводнение,
Потекла б вода куда?
Мирового океана
Высоченная вода
Затоплять бы стала страны,
И поля, и города.
Льда расплавленного натиск
Не принес бы счастья нам!..
Где Одесса? Где Архангельск?
Где Брюссель и Амстердам?
Пусть на полюсе, на Южном,
Как и прежде, будут льды.
Растоплять его не нужно,
Чтобы не было беды!

Литературный уголок

„САРДАНА“

Назар Васенев

У П Е Н Ж И

Я снова слышу говор моря.
Здесь, у Тауйских берегов,
Все также дерзко волны
спзрят
С наплывом северных
ветров,
И мчатся с грохотом
на скалы,
Как волны Балтики едой,
И облака покровом алым
Плывут над впененной
водой.
И я стою раздумий полон:
Что дашь мне, Пенженский
простор?
Какой судьбою новосела
Одаришь ты с ближайших
пор?

Какой судьбой? Какой
планидой?
Я вижу сейнер вдалеке.
Откуда он видавший виды,
На вал взметнувшийся в
рывке?
Откуда он? Куда стремится?
Как люб его мне непокой!
Он мчится птицей, смелой
птицей,
Извечно занятый борьбой.
Людей и моря, силы воли
С напором ветра и волны...
До боли хочется, до боли
Туда, где сильные нужны.

Стихи

местных поэтов

В. Лазарев

ОСЕННИЙ ЛИСТ

Одиноко на ветке качается
лист.
Он устало дрожит, слыша
осени свист.
Он совсем покраснел,
Он, как кровь, покраснел,
Он давно уже понял осенний
удел.
Он не трус, этот лист,
И готов умереть,
Но он хочет хоть раз на зиму
посмотреть.

Стихи наших читателей

И упрямо за жизнь уцепившись
Сидит,
Мокрый лист, он не трус,
Он в бессильи молчит.
Ветер вновь напирает —
Разбойничий свист...
И, не выдержав, падает,
Падает лист.
Он продрог,
Изнемог,
Он совсем одинок.

ВСЕ ПОХОЖЕ

Пожелтела листва.
Пожелтела листва и не дышит.
Дунет ветер,
И желтые листья
Полетят, отрываясь от веток.
Полетят, чтоб уже не вернуться.
Ну а мы?
Все похоже:
Подрастут и поднимутся дети,
Расцветут, и скажут однажды:
«Мама, вот и прошло наше
детство,
Мы же взрослые, милая мама...»
Улетят, как желтые листья,

Улетят оторвавшись от веток,
И когда-то поймут, и вернуться.
Скажут:
«Здравствуй, родимая мама!
Мы ведь так по тебе скучали...»
Но ведь листья сказать так не
могут,
Потому что не будет их больше.
Потому что они погибли,
Чтобы выросли новые листья.

СЕРКИНА ЛЮСЯ,
ученица 8 «А» класса.
п. Джебарики-Хая.

Редантор И. А. СМОЛЬЯНОВ.

Варвара ПОТАПОВА.

ПЕСНЯ БЕРЕЗКИ

Пышных, ярких нет на мне
цветов.
Я не украшение садов.
Как березка, в северном краю.
Хмурую природу познаю.
Завывает буря, ночь темна,
Под студеным небом я стою.
Часто одинокая одна
Буйным силам противостояю.
Не цветок я, нет, я не цветок —

Как травинка озорных дорог,
Я одним, быть может, хороша:
Тянется к теплу моя душа.
Увядаю я осенним днем,
Но расцвета ожидаю вновь,
Чтоб в невзрачном облике

моим
Пробудилась вешняя любовь.
В ночь такую, светлую, как
день.

Ожидая радостных людей:
Может, отдохнув в моей тени,
Песню обо мне споют они.

Перевел с якутского
Николай ГЛАЗКОВ.

В. И. ЗАГОВ

СЛУЖБЕ ЗДОРОВЬЯ

Людям в белых халатах
В наших дружных рядах,
Как к бывалым солдатам,—
Уваженье всегда!
Она — служба здоровья,
В дни труда, в дни войны,
Днем ли, ночью—с любовью
Мчит на помощь к больным.

Их умелые руки,
Их сердец доброту
Чту, как знамя науки,
Как святыню я чту.
Будь бы я громогласным,
Я бы наших врачей
Славил песней бы ясной
В дни весенних лучей!

ИНГРИД ГЮН.

РЕКА

Остыла.
Замелась.
Заторосилась.
Река-голубка у ворот села
Чужой приказ
Исполнить торопилась,
Чужую волю молча приняла,
Все отдано ему:
Весна и Лето,
Цветы и плод,
И волны,

И тепло,
И краски Осени,
И поцелуй Рассвета,
И к морю бег...
И дымное село.
Теперь, седая,
Сквозь метельный след
На дно ушла
холодная,
как лед.

В. СОРОКИН

(Из цикла „Соловьи“)

Век двадцатый, стоишь ты
у бездны,
В свой же крест упираясь
плечом...
Ты не веришь владыкам небесным,
А земные тебе нипочем.
Что ты смотришь вокруг
виновато,
Нам ли мука твоя не близка?
В волосах твоих—пыль каземата,
На лице — мировая тоска.
Поднимаясь над тупостью броской,

Презируя жестокость и спесь,
Как ребенок горячечной оспой;
Ты исхлестан дубинками весь.
Ты, страдалец, велик и прекрасен,
Неужель помолчишь до конца?
И на гребнях твоих разногласий
Разобьются людские сердца.
Не хочу я, чтоб в смертной

метели,
Там, где атомом ландыш пропах,
Соловьи под огнем онемели
И сгорел поцелуй на губах,

Г о л о с а м о л о д ы х

З и м а

Деревья заколдованы
волшебницей зимой.
Снежинки серебристые
кружатся над землей.
Глядит Луна испуганно
на белые дома,
Озябла и задумалась
холодная Луна.

Мороз сердито хмурится,
гуляя по лесам,
То крикнет он Снегурочку,
то побежит к ней сам.
Как побежит к Снегурке
по речке голубой,
Так сразу льдом покроется
вода в ней под ногой!
Л. Тетеревкова,
наш юнкор.
п. Хандыга.

В. Краснопольский

Т Е П Л Ы Й К Л Ю Ч

Дух бензина и ветер с гор,
Подгоняемые винтами...
Здесь давно завязался спор
Между горами и нами.

Здесь профессий содружество,
столкновение двух стихий —
проявляется мужество,
редко пишутся стихи.

Здесь хозяева — пилоты.
Небо их, а горы наши.
Но у нас одни заботы,
Как бы сделать все покрасне.

Чтобы горы были ближе,
Чтоб их солнце освещало,
Чтобы небо было выше,
Добрый путь нам обещало.

Горы ближе, ближе, ближе,
С годом каждым все
известней.
С неохотою, но все же
Что-то дарят вместе с
песней.

Из-за гор и из-за елок
Самый первый солнца луч
Освещает тот поселок,
По прозванию «Теплый
Ключ».

В мире вещей

ПУГОВИЦА

— Не знаю...
Не могу решиться:
К какому пиджаку
Пришиться?

УВЕЛИЧИТЕЛЬНОЕ СТЕКЛО

Предлагает всем
(на ухо):

Сделать вам слона
из мухи?

СПИЧКА

— Чтоб других зажечь
уметь,
Надо голову иметь!

ПРИМУС

Он ехидно сообщает
Шепоточком

Вл. Чубенко

Примусиным:
— Газ на кухне
отключают,
Дело пахнет керосином!

«ПРОСВЕТИЛСЯ»

— Мы оба свет несем
Прогрессу! —
Моргнул фонарик...
Днепрогэсу.

Алексей МИХАЙЛОВ.

Мы — братья

Я — якут,
Он — якутянин.
Русский — он,
Я — россиянин,
Но одни мы песни с ним
поем.

Мы сдружились
На работе,
На природе,
На охоте,
Мы в одной республике
живем.

Я люблю
Страну Россию,
Удаль русскую
И силу,
Прямоту и озорство.
Мы шагаем,
Плечи рядом,
И зовет меня
Он братом,
Братом я зову его.

★ ★ ★

На крутом берегу ль,
на поляне
Разведем мы огонь
в ночи
Под потрескивание,
полыханье
Посидим, помолчим.
Ах, как нам хорошо
и просто:

Ты, да я,
Да ночной простор...
Исчезают обиды, злости,
Когда молча смотрю
на костер.

**Ж е н а
рыболова**

гудеть:

Обидно, что клонют на них
хитроумные интриганы и
любопытные сплетники,
которые интересуются
политикой Кубы, отве-
щая на вопросы о
политическом строе
Кубы, подчеркивая
основные принципы
экономики Кубы и
ее достижения, а также
ее роль в мире.

В. Зубарев

Как для садов зеленых—птицы,
Как зерна — вспаханным полям.
Пусть, люди бы не знали сами,
Кто это счастье подарил,
Как хлеб наш, что «едим веками,
Не зная, кто его открыл.

Николай ГЛАЗКОВ.

Олекминская
у х а

У П Е Н Ж Ы

B. HAZAROV.

Извечной занятый борьбой
Людей и моря, силы воли
С напором ветра и волны.
До боли хочется, до боли
Туда, где сильные нужны.

☆☆☆

Слышу зов, слышу голос
тайственный твой.
Все вижу и вижу я тебя.
Ночь заполнила улицы,
шепчет листвою,
Гладит в теплом гнезде
голубят.
И в далеком, загадочном
свете звезды

Необычное видится мне:
Эти звезды — твои голубые
 следы,
Голубые следы в вышине.
Вспыхнет луч, брызнет свет,
 побуднеет зоря,
~~Я опять потеряю тебя.~~
Звезды синие в раннем
 рассвете горят,
Голубята, вспорхнув улетят.

Голубята, вспорхнув улетят,
рассвете горят,

Наитие

В. Назаров

Ты глаза свои — синь добрую —
раскрой.
Эта синь и женственность в
роде.
Блестки светят, голубят в тиши
ночной,
Или в сказке я, или в дивном
волшебстве?
Сказка — лада. Синий, синий-
синий мир.
Звезды синие и синие пути.
Едет Золушка разряженной на
пир,
Фея кружится со звездами
в горсти.
Ты плотней прижмись к горячему
плечу.
И наитие случайно не спугни:
В темноте зажгла Аленушка
свечу,
Из лучей плетет и вяжет фея
дни.
Лада — сказка тонким кружевом
вяжись.
Эта женственность! И завтра
ждут дела.
Ты плотней к плечу горячему
прижмись,
Чтобы сказка до рассвета не
ушла.

Альбатрос

Опираясь на крепкие крылья,
И в полете нацелившись к
норду.

И, добычу настигнув, забился в
тенетах.
Сеть в глубины тянула своим
многопудем,
И ломались могучие крылья
полета.
А когда из глубин были подняты
сети,
Черно-белым крестом он распято
лежал.
Во взъерошенных перьях,
запутавшись, ветер
На груди и на крыльях ледком
замерзал.
И стояли над ним, посуровев
матросы.
Ночь темнея, смывала густую
зарю.
Боцман буркнул: «Немножко мы
все альбатросы».
И ссутулясь ушел, молчалив и
угрюм.

В столовой порта

Сапогами стуча пудовыми,
Лихо на бок береты сдвинув,
Входят дружно в портовую
столовую
Рыбаки, что пришли с путины.
Рядом столики тесно ставят
И ватагой за них садятся.
Их за вольность здесь не

Я РАБОЧИЙ СВОЕЙ СТРАНЫ

В. НАЗАРОВ.

В сапогах, в телогрейке	Ты ж стихи сочинять
ватной	мастак?.. »
И на вате мои штаны...	В каждом деле — нелзя без
Я зачислен рабочим	толка.
штатным!	И поэзия — ремесло!
А точнее — в авангард	Кочегарка — тепло поселку.
страны.	А стихи — для сердец тепло.
Значит я среди других не	Мне по нраву мой труд
худший.	горячий,
Знаю, кто-то заметит так:	Дни накалом всегда полны.
«Неужели работы нет	Для меня быть поэтом —
лучше?	значит,—
	Быть рабочим своей страны.

КОЧЕГАРЫ

Быть не просто кочегаром...	В каждом доме — веселее.
У горячего котла	В каждой комнате — уют...
Кочегар — владыка пара	И, конечно, стужей выжой,
И удельный князь тепла...	И в мороз — под шестьдесят
Пар на марке — всем теплее!	Кочегар поселку нужен...
Если даже холод лют,	Нужен, как в бою солдат...

Владимир Топоров

У обелиска

Их подвиг вечно будет
близким.
Раздвинет времени пласты...
Над сложным веком
обелиски
Невероятной простоты!
Не в небо,
в годы устремились
Потомков гордостью
согреть...
Какую в жизни нужно силу,
Чтоб
после смерти
так гореть!

Мне не надо моря...

Мне не надо моря. Я не бредил
Плеском волн и далью голубой,
В капитаны строгие не метил,
Чужд мне склянок ксрабельных бой.
Не такой уж, братцы, я спокойный,
Но прирос к отцовскому гнезду.
Знаю: краше сосен наших стройных
Ничего я в мире не найду.
Где могу увидеть я громады
Наших дум — железо и бетон,

☆ ☆ ☆

Сосенка прижимается к скаде...
Утес суров и замкнут, но надежней
Нет спутника и друга на Земле.
В палиций зной и в непогоде грозном
Она к его плечу прильнет
(совсем как ты),
И тень найдет, и в буре устоит,
А вечером тайком поведаст мечты,
Рассыпав зелень кос на мускулов гранит.
И что-то скажет шепотом, чуть слышно,

В. Димуцкий

Берега, закованные в латы,
Новых ЛЭП высоковольтный звон?
Не найду таежных чистых речек,
Где вода — целебнейший бальзам.
Наших гор геранковские плечи
Не затмят ни Анды, ни Монблан...
Здесь мой дом, мои луга и нивы,
Здесь мне встречный каждый — друг и брат.
Мне не надо моря — я счастливей
Моряков счастливых во сто крат.

А он такой большой! — смутится вдруг,
Зальется краской цвета спелой вишни,
Виня закат или в алых муках луг.
Вот так и у людей. Взаимная любовь...
Милей мне и понятнее, чем в книгах —
Классическая, режущая в кровь,
Любовь, что называется, до «крика».
А стоит ли кричать,
Где и без слов все ясно?

Стихи наших авторов

В. НАЗАРОВ.

ЦИРКАЧ

На тебя — все внимание глаз.
Тишина. В зале тихо, тревожно.
По канату опять отправляешься в пляс.
Осторожно, циркач. Осторожно.
Каждый зритель молчит. Напряженно сидят.
Насторожены мысли и чувства.
Не спеши, акробат. Не спеши, акробат,
Представляя такое искусство.
По полшага — вперед, по полшага — назад.
Равновесье — простертые руки.
За тобой знатоки с восхищением следят,
Не изведая доли той муки.
Что тобою ведет? Важно вниз не смотреть.
Ты один лишь главнейший участник.
Каждый шаг — через смерть.
Каждый шаг — через смерть.
А в финале и слава, и счастье!

В. Назаров

Дорога в небеса

Мы строили дорогу на
«Орбиту»,
Чтоб видеть нам из Хандык
Москву,
И Ленинград, и громкий цирк
шапито,
Полотна Третьяковки наяву,
Плисецкую, танцующей
Джюльетту,
И Гамлета с извечным
«быть — не быть...»

Мы строили и думалось
при этом.
Мгновения возможно
повторить...
В руках горячих пины
напевали,
Под топорами гулко падал
лес,
И раздвигались, прояснялись
дали
До подмосковных красочных
небес.
Без суеты все делали мы,
с толком,
В краю таежном каждый —
лесоруб.

Горел костер, трещал, маняще
щелкая,
А в ведрах аппетитно
булькал суп.
Потом, когда мы кругом
тесным сели.
Догадка озарила меня вдруг:
Те люди, что поют (а наши
пели),
Такие не разнимут в дружбе
рук.
И улетела песня в лоднебесье,
Звучали дружным хором
голоса.
Субботника не видел я
чудесней —
Мы строили дорогу в небеса...

Ингрид Гюн

Из лирической тетради

МОЯ КАРАВЕЛЛА

Над морем ревущим

витают мифы.

В пучине моря ютятся рифы.

Пошла в те мифы за счастьем и села

На острые рифы моя каравелла.

Но знал капитан, что вступая в сраженья

Не надо бояться поражения.

В открытом бою есть и раны, и беды

И только отважным даются победы,

Что там, над морем, витают мифы,

А здесь под корпусом пенятся рифы,

Но надо, чтоб в мифы по рифам смело,

Флаг не спуская, дошла каравелла.

ОСЕНЬ

Над лесом эпидемия желтухи,

Сухие листья в парках закружились.

И столько в них нахлынуло вдруг скуки,

Что сразу ни умом, ни сердцем не осилишь

И стынут, ежась, по утрам холодным

Недавние красавцы тополя.

Мне жалко их, обветренных, бесплодных,

Налуганных, что впереди зима.

Все чаще вижу по ночам тулупы,

И снова, осень, я влюбляюсь глупо

И снова, осень, я любяюсь глупо

В тебя, цветущую, но вечную вдову.

О ЛЮБВИ

К черту вас, канделябры речи

в языке.

Я любовь взвалил на плечи

в рюкзаке.

Разменяв цветущую розу

и елей,

Я унес «безобразную» прозу

о ней.

Хочешь, жди, когда выстоим в ночи

мир и труд,

И в тайге с болотистых кочек

взыщем руд;

На краю голубого тумана

вздыбим дом

И у солища на радужных ваннах

заживем.

А не хочешь, — я прозу унес

на себе

И любовь, словно грубый утес

во мне.

Можешь жить, как жила, вне вспотев,

соловья.

Можешь жить, как жила, не вспотев,

нежно, зря.

Стихи наших читателей

В. Назаров.

С ВЕРОЙ В ПОБЕДУ

Сурово в жизнь война входила.

Мне было лет тогда не много,

Но цепко память сохранила

В даль уходящую дорогу.

На ней телеги и повозки,

На них отцы и наши братья.

И среди них цветасто, броско

Пестрели ситцевые платья.

Обозы шли к военкомату.

Рыдали женщины, рыдали.

Уже бойцы, уже солдаты,

Мужчины женщин утешали:

«Не плачьте, матери и жены,

Германца испокон мы били».

Так убежденно, предпрешенно

Мужчины женщинам твердили.

С такою верой, будто знали...

Как будто шли они работать,

Укрыв безмерные печали

За повседневные заботы.

Так уходили хлеборобы,

Шли от станков фабричных

люди.

То был народ особой пробы.

И знали мы: победа будет!

Литературный УГОЛОК

На мой подоконник часто прилетал покормиться кол-
ченогий голубь. Я его считал моим.

(Автор).

Моему голубю

Колченогий сизарь,

Колченогий сизарь,

Как такое с тобою случи-

лось?

Ты не можешь о том

Никому рассказать,

Голубь мой, молодой, сизо-

крылый.

У тебя целы крылья,

Пари и летай!

Но ведь воздухом сытым не

будешь,

Не напоит водою тебя высо-

та,

В воздух зерен не вынесут

люди.

Ты, рожденный летать,

Без земли — обречен.

На земле ты слабее собра-

тьев.

Не помогут тебе,

Не подставят плечо.

За крупинку приходится

драться.

Почему же, сизарь,

Ты бежишь от меня,

На обрубке ноги ковыляя?

Дам я крошек тебе,

Дам тебе я зерна,

Иль не нравится доля

такая?

Иль дороже свобода,

Хоть правдою зла?

Знай же, сизый,

Я против неволи.

У тебя для свободы

Два в силе крыла

И ты вправе искать своей

доли.

Я, как другу, тебе

Лишь желаю добра,

Птиц готов накормить всех

с ладони,

Чтоб за кроху зерна

Нам не видывать драк.

Прилетай же на мой подо-

конник.

Счастье

(Рассказ)

Издали донеслось:

— Э-гей! Эй, кто там! Помогите!

Крик о помощи повис в воздухе и угас где-то у сопки, молчаливо синевших на горизонте.

Сергей и Таня переглянулись и не сговариваясь, разом скатились с холма, бросились на крик.

— Братцы, выручайте! Не знаю, что делать! — показывая на увязший в снежном месиве ГАЗик, сказал шофер.

Он весь вспотел, несмотря на мороз, от его промасленной спцовки шел пар, и мороз оставил на спине легкие куржачки инея.

Невдалеке от увязшей машины уютно потрескивал небольшой костерик, возле которого грелись двое.

— Танюша, побудь здесь, а я сбегаю в поселок за трактором, — мазал Сергей и сильно оттолкнувшись палками, побежал. Легкий лыжный след зазмеился за ним.

Таня отстегнула крепления и подошла к костру.

— А вот мы сейчас спросим милую барышню, — продолжал начатый разговор, сказал один из гревшихся у огня. — Как вы думаете, в чем счастье жизни?

Таня растерялась. А снизу от огня в упор на нее смотрели две пары внимательных глаз.

— Ну, я не знаю... Так сразу. Надо подумать!

— Да вы давайте ближе к огню. Вот у нас с Юрием Петровичем зашел спор: в чем счастье жизни. Мы с ним едем издали вместе, многое уже переговорили, а вот сейчас спорим.

Таня внимательно оглядела неожиданных собеседников. Сначала они произвели впечатление просто

пожилых людей. Но, внимательно приглядевшись, она заметила, что тот, кого называли Юрием Петровичем, гораздо старше своего собеседника. Но и второй был уже, что называется, мужчиной в годах.

— Вспоминается мне один случай. Дело было в двадцать первом году. У нас на селе комсомол только еще начал организовываться. Как сейчас помню, зашел к нам на вечерку Илья Огуренков, он у нас всеми партийными делами заворачивал.

— Ну что, не надоело вам подметки у Дарьи-солдатки отбивать (у Дарьи-солдатки мы снимали избу для посиделок)? Сколько полезных дел можно проверить за это время! Организовали бы ячейку, ликбез, а то ведь расписаться не можете, черти полосатые! Помните, что сказал Владимир Ильич на съезде комсомола: «Учиться учиться и еще раз учиться!» А вы только и знаете «полечки» да «кадрили».

Что тут поднялось! Одни кричали, что нам не нужна ячейка, другие — «Дашь комсомол!». А Илья стоял и улыбался, глядя на разволновавшихся парней.

— Ну ладно, покричали и будет! Кто первый записывается в ячейку?

Мгновенно стало тихо в избе. Все стояли, подталкивая друг дружку: «Давай ты!». Кое-кто потянулся к выходу.

И тут к столу подошла Маша. Самая красивая и самая бедная девушка на селе.

— Давай, Илья, пиши меня. Пиши — Оношко Мария.

— Ей чего не идти в комсомол! А меня тятя как перепояшет

(Окончание на 4 стр.).

Счастье

(Окончание. Нач. на 3 стр.).

вожжами, вот и будет мне комсомол! — выкрикнула маленькая девушка в светлом полушалке.

Все рассмеялись: «Будет тебе, Зинка, народ-то смешить! Давай, Илья, записывай!», — и один за другим парни и девчата потянулись к столу.

И я почувствовал в этот миг, что все мое существо заливает какое-то неизведанное ранее чувство. Вот и подумал я, что это и есть счастье. Когда с народом, когда все сообща, все за одного, а один — за всех.

— Ну нет, Юрий Петрович, это вы не скажите. У меня о счастье представление иное. Правда, не совсем. Коллектив — вещь великая. По-моему, счастье — это борьба, это вечный бой. Ну, а бой без коллектива — блеф. И больше всего мне запомнились первые палатки над Амуром, наша борьба цингой, с голодом, а потом Магнитка (я ведь и там успел побывать). Ну и война... Вот расскажу один случай.

В тот поиск (я командовал взводом разведчиков) посылали только добровольцев. Мы, коммунисты и комсомольцы, естественно, вышли первыми. Идти нужно было по минному полю. Впереди — двое саперов. Туда-то мы прошли. А вот оттуда...

Он достал папиросу, размял ее, прикурил от тлеющего сучка.

— Оттуда шли спокойно почти до первых наших постов. Только возле нейтральной полосы немец («язык», которого мы взяли в расположении немцев) выплюнул платок изо рта и заорал что-то по-своему. Ну, немца-то мы скрутили, а вокруг поднялась катавасия. Пулеметы заговорили, мины, пули запели... А мы лежим. Встанешь, подстрелят, как куропатку. А немчишку нужно было доставить как можно скорее и непременно живым. Решили мы нести его на руках, перебежками. Идти-то он отказался, улегся, и хоть что хочешь. Зло меня тогда такое взяло, так бы и пристукнул его, а нельзя — «язык».

Кое-как добрались до расположения наших. Когда услышал родное: «Стой! Кто идет?», так аж слезы навернулись. Наверное, от счастья.

— Я, конечно, не могу с вами равняться. Но немного могу и я сказать, — подал голос шофер. — Я — целинник. Так мы называли себя в Казахстане. И я тоже считаю, что счастье — это борьба, это — только вперед. Ну, а коллектив... да ведь без него ничего не сделаешь. Ведь недаром в народе говорят, что гуртом и батьку легче бить.

И на нашу долю пришлось немного того, что называют героикой. Правда, там об этом не думалось как-то. Работали, боролись с трудностями, ну и что... Ведь так надо было.

— Да. Так надо было. Ведь всегда, когда партия говорила: «Надо!», комсомол отвечал: «Есть!», — заключил самый старший из них.

— А я еще ничего не успела сделать. Правда, мы с Сережей работаем на стройке, строим ГЭС. Приехали сюда по путевкам комсомола. И я тоже считаю, что

счастье — это борьба, бой, это... лей своих поколений, трое старых — и совсем непосредственно закончила, — это мои подруги и убегающей юности.

— Дяденька, ну давай вытас-

— Таня! А-у! — послышалось кивать твою машину, — подал голос тракторист. — А то мне еще домой надо, переодеться. Меня сегодня в комсомол принимать будут! — счастливо улыбался добавил он.

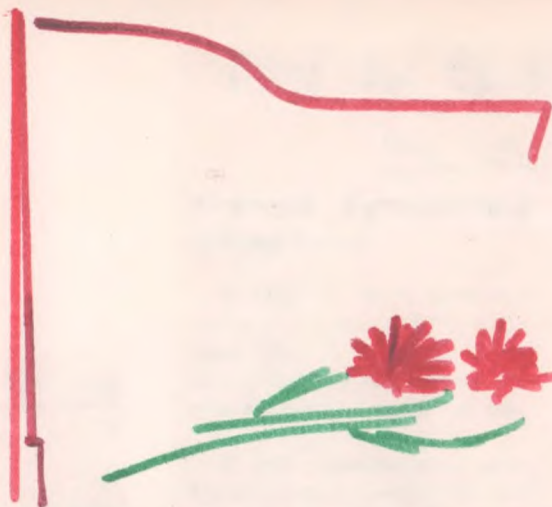
— Иду, Сережа! — быстро встав на лыжи, Таня скользнула ему навстречу. Ловкие и ладные, они побежали к синевшей сопке.

— Да... «и вечный бой! Покой нам только снится». Вот оно, счастье!

Они стояли, трое представите-

Н. БЕЛОВА.

Редактор И. Е. ОБУТОВ.

Элегия о дубе

Высоко над рекой, на бугре высится столетний дуб. Вокруг него завели хоро-вод, шумя при малейшем дуновении ветерка, его маленькие внуки-дубочки. Это его потомство.

Много видел на своем веку старый дуб. Видел он и слезы старухи-матери, склонившейся над распростертым телом убитого сына-буденновца.

На его суку была повешена девушка-партизанка.

Засох с тех пор тот сук. Вся его кора иссечена осколками, но это была сладкая боль — город над рекой освобождался от фашистских орд...

Часто слышал он шепот влюбленных, но он свято хранит тайны молодых. И самые маленькие его друзья — мальчишки часто доверяют ему свои немудреные тайны — рогатки и другие, дорогие мальчишечье-му сердцу, вещички.

А недавно старый дуб был свидетелем торжественного события: на могиле комсомольца-буденновца его юные друзья давали торжественное обещание в своей верности партии Ленина, а комсомольцы появлялись на их шеи красные галстуки!

О, дуб хорошо знал этот цвет — под красным знаменем шли мимо него рубаки-буденновцы за лучшую жизнь; и тело молодой партизанки, снятой с засохшего сука, было завернуто в красное знамя; и на головном танке, ворвавшейся в город колонны освободителей, реял огненный стяг!

Так и стоит он, храня в своем старом сердце все, что прошло мимо него за его долгую жизнь.

А вокруг него весело шумит молодая поросль — его внуки!

Н. Белова

Способы Еремея Бурлакова

Были и небылицы

Одной бутылкой спирта...

ЕРЕМЕЙ — всем известный охотник: «опытный, прославленный». С «байанам» он всегда накоротке. Доказательством тому — такой случай.

В одну прекрасную весну Еремей решил попытать охотничье счастье новым, доселе никому неведомым способом. Не долго думая, купил бутылку спирта, килограмм риса и все это налил-насыпал в кастрюльку и плотно закупорил.

Через несколько дней отправился на заветное, одному ему известное место, где всегда бывают ранние проталины. На ближайшей опушке разбил палатку, сытно поел, и, конечно, пропустил одну — другую чашечку. Затем свою заготовленную приманку — пропитанный спиртом рис — рассыпал на проталине — и спокойно улегся спать.

— Проснулся я на рассвете, — рассказывает Еремей. — Боже мой, чего только не творится на моей проталине. Стоит неообразимый гвалт, прямо дикая оргия сорока гусей. Даже меня не замечают. Не долго думая, стал хватать их, сворачивать шеи. Аж до сих пор не проходит ломота рук.

Еремей, когда мне рассказывал этот случай, божился, что это чистая правда. Однако, он что-то не применяет этот свой эффективный способ. Почему? Не могу сказать. Может побавляется

охотинспекторов. Все таки это попахивает браконьерством или может еще что-то смущает, затрудняюсь сказать.

Удочкой — тоже хорошо

ОДНАЖДЫ осенью Еремей на длинной миллиметровой капроновой леске пристроил сразу семь крючков, нанизал на них по одной крупной толокнянке боровой и бросил на озере, где всегда садятся гуси на кормежку.

После спокойного сна Еремей утром приходит к своему озеру и видит семерых чинно сидящих гусей. Когда начал подбирать леску, гуси спокойно стали подплывать к нему, да еще здороваются с ним, как с хорошим знакомым, низким поклоном. Еремей на этот раз не стал им сворачивать шеи, а спокойно повел домой: надо же показать живых гусей своим ребятишкам, да и заодно не мешает удивить соседей. Ведь не каждый приводит домой по семь диких гуменников, да еще на поводу.

— Жирные были гуменники. Сами вдоволь полакомились, да и соседей не забыли угостить, — говорит Еремей.

И этот способ почему-то не применяется повторно. Почему? Не знаю. Может не имеет никакого спортивного интереса или опять кому-то не понравилось.

А. Николаев

Анкино море

— НИКИТИН —

КАКОЕ ОН? море — серлятое, доброе, зл...? Анка лежала на берегу и смотрела вдаль, на пылающий в закате горизонт, на белые барашки, бегущие по гребням волн, на едва различимый среди безбрежности вод, остров, что черным призраком маячил на фоне потухающего неба.

Море всегда бывало разным, как деревья на берегу, как люди, что приезжали сюда, в этот тихий курортный городишко. У него были свои нравы, привычки, свой характер. Оно становилось то добрым и ласковым, тогда вода в бухте светлела, принимала зеленоватую окраску; то, вдруг, свирепствовало, тогда пустел пляж, умолкали цикады в буйной листве прибрежных деревьев, куда-то улетали чайки.

Море штормило. Волны с грохотом опрокидывались на берег и, разбиваясь о камни, с змеиным шипением уползали прочь, обдавая холодом брызг, черное, отливающее синевой, тело Анки.

Анка лежала неподвижно, с наслаждением вдыхая соленый, отдающий запахом рыбы, морской воздух.

В бухте ярко светили корабельные огни и их блики прыгали по волнам, металась по черной клочущей воде, напоминая огромных живых чудовищ; казалось, десятки ведьм с полотен великого Гойи слетелись сюда, в эту бухту, на свой шабаш.

Анка любила море.

Это море когда-то отняло у нее отца. Отец ушел однажды на шаланде с рыбаками и не вернулся. Горько плакала мать, рыдали рыбацкие, проклиная море, плакали осиротевшие дети. И Анка плакала. Плакала долго, спрятавшись в камнях, с ненавистью и страхом разглядывала обломки шаланда, выброшенные, словно в насмешку людям, волнами на берег.

И все же она любила море. Любила за его грозную силу, за его величавость и неукротимость. И еще любила она, когда ей было грустно, заплывать на далекий скалистый остров. Там было много чаек. Чайки с криками носились над островом и Анка, глядя на них, с грустью думала, что когда-то ей придется покинуть и море, и этот серый, скалистый остров, и чаек.

Нет, с Игорем она не поедет. Это уж точно. В этот вечер решилось как-то все само собой. А ведь как все хорошо было до этого!.. Они дружили. Игорь ей казался самым сильным, смелым и красивым парнем из всех ребят на черноморском побережье.

С тех пор, как они познакомились, прошло немало времени. Все было продумано и решено заранее. Они уедут в Москву. Дядя Игорь — заметная фигура в столице. Он поможет устроить невестку племянника в институт. Они будут жить в Москве. И иногда — приезжать сюда, в этот курортный город, чтобы навестить Анкину мамашу.

И вот все кончилось. Все прошло, как сон, как утренний туман. Глупейшая история. И все это из-за дяди Паша.

А может, не из-за него?

Анка вспомнила, как до этого вечера дядя Паша, встретив ее на улице, неожиданно спросил:

— Ты любишь его? Только честно...

— Кого? — растерялась она.

— Этого парня, Игоря?

Тогда она не выдержала, сорвалась и сказала ему что-то обидное, злое:

— Ну какое вам до всего этого дело?.. Что вы все ходите за мной, чего вам надо? Да, я люблю его! Слышите ли вы? Люблю!..

Он ничего не ответил, но Анка видела, как дрогнуло его изувеченное войной лицо, как побагровел шрам на щеке, как, пошатнувшись, он повернулся к ней спиной и, есугулившись, молча побрел по аллее к морю.

В городе его знали все. И дядей Пашей все его звали. И, пожалуй, не было на всем побережье Черного моря фотографа, который мог бы потягаться своим мастерством с дядей Пашей.

Еще бобылем называли его и отшельником. Жил он одиноко, без родных и друзей. К осени, когда кончался сезон, дядя Паша уезжал из города и где-то коротал зиму, а весной снова появлялся у моря со своим стареньким, потрепанным «фотокором».

Анка его знала давно. Еще когда пятилетней девочкой была, помнила, как после гибели отца, приходил к ним дядя Паша. Как часами молча просиживал у порога, изредка успокаивал мать:

— Ничего, Настя, обойдется как-нибудь, ничего... И уходил. «Что за человек? — думала о нем Анка. — Непонятный какой-то». И ей делалось не по себе от его пристального, изучающего взгляда. А однажды осенью, это когда болела мать, дядя Паша зашел попрощаться.

— Уезжаю, Настя, — сказал он. — Кончился сезон. На, вот, возьми на первое время. — И положил на стол конвертик с деньгами. И после нескольких раз приносил деньги.

Когда-то, говорили люди, воевал дядя Паша в этих местах. Капитаном на подводной лодке ходил. И на дно морское не один фашистский транспорт отправил. Охотились за ним немецкие сторожевики да безуспешно: прямо из-под носа уходила от них неуловимая лодка. Но однажды их все же накрыли. И, главное, что обидно, подбили с воздуха, с самолета.

До берега добирались вплавь. Из всего экипажа уцелели только

трое: Николай Иванович, Анкин отец, дядя Паша, да медсестра Анюта.

Рассказывают, что любил дядя Паша Анюту. Но как-то так уж получилось, что разбросала их война в разные стороны, Николай Иванович с Анютой воевали на Кавказе, а дядя Паша — в Крыму.

Только после войны вернулся дядя Паша в этот уютный курортный городишко. Стал разыскивать свою бывшую фронтовую подругу и не нашел. Погибла Анюта. На городском кладбище покоилось ее тело. Маленький холмик, заросший колючей ожигой, наспех сколоченный березовый крест и надпись: «...зверски замучена в застенках гестапо».

Так он и остался в этом городе. Со временем мраморный обелиск поставил и зажил одиноко, по-прежнему, непонятной для других, холостяцкой жизнью.

Случалось, он приходил к морю, садился на холодные камни и часами сидел неподвижно, вглядываясь в черное, как смоль, небо.

Анке всегда хотелось узнать, о чем думает дядя Паша, о чем мечтает? Может быть, он вспоминает свою юность, свои боевые годы, подругу свою, что погибла здесь, на этом берегу от рук палачей, или думал о том, что жизнь его сложилась так неудачно, так нелепо? Она не знала, о чем думал и мечтал дядя Паша. Чего греха таить, Анка недолюбливала этого пожилого молчаливого человека. А вчера вечером, неожиданно для самой себя, она сделала открытие: дядя Паша — человек неплохой!

Вечером они с Игорем катались на яхте, потом прогуливались по аллее и сидели на скамейке. Игорь рассказывал про Москву, про свой институт, про то, какая у него хорошая, добрая мама.

Анка слушала его внимательно, не перебивая. Ей как никогда хорошо было в этот вечер с Игорем. Скоро они уедут в Москву, а завтра — Анка решила твердо, рано утром она повезет на байдарке Игоря на свой остров. И покажет ему чаек.

А Игорь все рассказывал что-то. Транзистор наигрывал модный аргентинский фокстротик. В листве деревьев шумели многочисленные цикады.

И тут они увидели дядю Пашу. Фотограф шел по аллее и пел песню. Песня была старая, вре-

мен Отечественной войны. И пел он ее хриплым, каким-то дребезжащим голосом.

Дядя Паша был пьян. И это больше всего удивило Анку: никогда она, да и, пожалуй, никто из жителей города не видел фотографа пьяным. Что это с ним?

А дядя Паша тем временем, остановившись возле них, раскачиваясь из стороны в сторону, заплетаясь языком сказал:

— Веселитесь, да?..

— А в чем дело, папаша? — спросил Игорь.

— В чем дело! А дело-то в том, что я не пойму вас...

— Меня? — Игорь даже привстал.

— Нет, зачем же тебя. Вас, ваше поколение. Всех не пойму. Другие вы какие-то. И музыка мне ваша непонятна. Вот в наши, скажем, дни все просто и ясно было. Вы сейчас танцуете «буги-вуги», «твист», а мы пели «Кавовку» и еще — «Наш паровоз вперед лети!» или...

— Ну, вот что, папаша, — отечески заговорил Игорь. — Ты пьян. Иди спать или пой свою «Кавовку», а нам не мешай танцевать «твист». Договорились?

— Нет, постой. Зачем же спешить? Я хочу рассказать тебе про войну. Как воевал здесь. Как был ранен...

— Э, папаша, война — этап пройденный. Давай что-нибудь поновее, старик! О космических кораблях, например, или хотя бы о боях во Вьетнаме... Что, не хочешь? Ну тогда иди спать. Пьяным по улице ходить сейчас, говорят, запрещено.

— Да, ты прав. Я пьян, — дядя Паша усмехнулся и трезвым своим, пристальным взглядом смерил с головы до ног Анку.

— Пьян. Сегодня двадцать лет, как не стало моей подруги... Двадцать.

— Ну ладно, отец, — перебил его Игорь. — Друг или подруга. Нам до тебя нет дела. Топай спать. Надоел ты...

— Надоел! Сопляк же ты... — Что!.. — взревел Игорь. — Негодяй! Да я тебя!..

И Анка опомниться не успела, как ловким, натренированным ударом в лицо, Игорь сбил с ног фотографа.

— Ты что же это, а? Что ты делаешь? Подлец! — выкрикнула тогда Анка. — За что?

Потом вокруг стали собираться любопытные. Подошел милиционер.

— В чем дело, граждане?

— Ничего, ничего, — говорил дядя Паша, поднимаясь с земли и вытирая кровь с разбитого лица. — Он не виноват. Это все я.

Привязался старый дурак к мелодым со своими глупыми рассуждениями, вот и получил. Ничего...

Анке хотелось плакать. Жесткий комок подкатил к горлу. Она бежала через аллею к морю. И плакала. Плакала долго и безутешно, как тогда, когда погиб ее отец. Здесь на берегу раньше валялись обломки шаланда. Давно это было.

Плакала Анка и еще думала: «Как низок, как ничтожен этот Игорь! И надо же, целых два месяца ходила с ним и не знала, каков он».

К утру море успокоилось. Стих ветер. Над городом опустилась тишина.

Анка лежала на спине и смотрела в небо. В чистом, без единого облачка, небе одна за другой гасли звезды. Над морем закружились чайки.

— Не спишь? — спросил кто-то сверху, с берега. Анка вздрогнула.

— Нет, а вы? — И узнала дядю Пашу.

— Мне тоже что-то не спится. Все хожу и думаю: правильно ли я живу? Зачем живу? Кому нужна моя жизнь? И не могу найти ответа. Во флот хочу пойти. Да не знаю, примут ли?

— Примут, дядя Паша, — сказала Анка. Обязательно примут. Должны принять...

— Хочу поплавать. Молодость хочу вспомнить. Да, с отцом твоим, Николаем Ивановичем, мы поплавали!.. Вон, где остров, видишь? Там нас подбили. Когда война кончилась, надо было мне пойти во флот. Да вот, понимаешь, не пошел. Твой-то отец звал рыбачить в свою бригаду. Тоже отказался. Помню последний наш разговор. Когда отходила от берега уже шаланда, он подошел ко мне и говорит:

— Чует сердце, парень, не вернемся мы до дому... Ты, Павел, если что, присматривай за моим семейством!

И не вернулся. И я присматривал, и помогал, чем мог. А за вчерашнее прости. Глупо получилось.

Солнце всходило над морем. Огромный оранжевый диск его медленно выкатывался из-за горизонта.

Анка поднялась с земли, забралась на отвесную скалу и, раскинув руки, ласточкой кинулась в море. Холод на миг ожег ее тело. Вынырнув на поверхность и набрав полную грудь воздуха, крупными саженками она поплыла к берегу. Потом, взобравшись в байдарку и с силой оттолкнувшись веслом от берега, поплыла навстречу солнцу, к острову.

Ну, вот, теперь все решилось. Она останется здесь, и ни чей дядя не будет хлопотать за нее. Это довольно противная штука, когда кто-то где-то хлопочет за тебя. Она как-нибудь сама устроит свою судьбу. Так будет вернее.

А пока — здравствуй, солнце! Здравствуй, чайки! Здравствуй, море!

Культурная

ЖИЗНЬ

В январе общественность нашей республики отметила знаменательное событие: Николаю Егоровичу Мординову — народному писателю Якутии — исполнило с 80 лет.

На днях литературный вечер, посвященный этой дате, прошел и у нас, в Хандыге. Организаторами его были работники районной библиотеки и их помощники — искренние почитатели творчества Мординова.

Н. Е. Мординов стоял у самых истоков зарождения якутской советской литературы, и его личная роль и влияние на ее расцвет неопределимы.

Трудно говорить о человеке, имя которого и творчество широко известны, получили всеобщее признание. Кажется, что неизбежно в этом случае повторение, что ничего существенного нового сказать невозможно. И тем не менее, какой подлинной любовью, теплотой были проникнуты слова выступавших! Они как бы раздвинули наше представление о писателе, он стал близким человеком, с которым ты как будто лично знаком.

Звучит хомус, на его фоне — голос ведущей, рассказывающей о жизненном пути писателя. 80 лет — это вершина жизни. Много написано, много сделано, много пережито, много искожено дорог и тропинок.

Интересные слайды по ходу рассказа ведущей демонстрирует Е. Н. Винокуров — учитель Хандыгской школы. Здесь

мы видим писателя как общественного деятеля, на Всесоюзном съезде писателей, за работой, в кругу семьи и на отдыхе.

Первое печатное произведение Мординова — стихотворение «Мать» — проникновенно прозвучало в исполнении Г. Н. Кычкиной. А стихотворение «Первому учителю» было положено на музыку и стало любимой песней, которую исполнил геолог из АЮГРЭ В. Винокуров.

У Н. Е. Мординова много друзей. Тот, у кого доброе и отзывчивое сердце, никогда не останется одиноким. Всюду он желанный гость.

Софья Михайловна Сафина в школьные годы встречалась с писателем, который любил приходить на уроки литературы и слушать ответы учащихся. Может с тех пор и стал он для

нее одним из любимых писателей. Тепло, с уважением говорила она о раннем творчестве и переводческой деятельности писателя, о вершине его перевода — «Войне и мире» Л. Толстого.

Звучали на вечере и рассказы юбиляра, которые читали Ирина Рой и Елена Миронова — ученицы Хандыгской школы. И пел хомус — любимый музыкальный инструмент писателя. Пел о крае, где он родился, о тайге и горных распадах, о зимнем солнце...

80 лет — возраст почтенный. Человека, достигшего его, называют уже не стариком, а старцем. Но у кого повернется язык назвать Николая Егоровича Мординова старцем! Возраст писателя определяется не по паспорту, а по творческой его активности. Новых успехов, новых читателей, новых

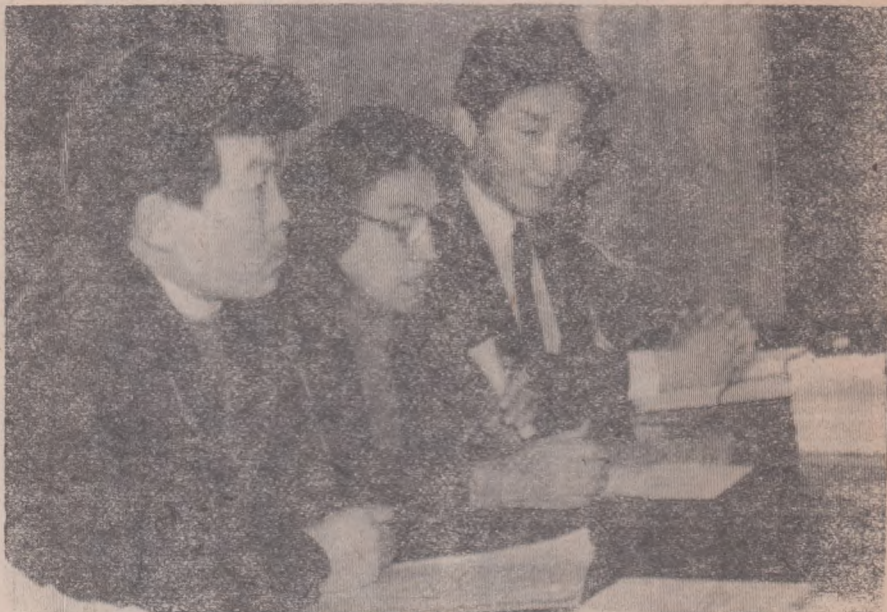
творческих побед — такие пожелания народному писателю звучали в тот вечер.

Встреча с писателем была интересной и насыщенной фактическим материалом. Привлекла внимание и фотовыставка: запоминается снимок, где запечатлены С. Я. Маршак и Н. Е. Мординов.

Хочется поблагодарить и тех, кто помогал готовить этот вечер. Это С. М. Сафина, Н. Н. Уйгуров, Е. Н. Винокуров, Н. Варламов и другие. Разные по возрасту, характеру, темпераменту, но одно у них общее — любовь к литературе, энергия, чувство ответственности. И хорошо, что есть такие люди — энтузиасты, помощники.

Г. АЛОВА.
НА СНИМКЕ: во время литературного вечера.

Фото А. Сивцева.

ПЛАМЯ ВРЕМЕНИ

Обзор литературы

Каждый год жизни нашего общества важен и знаменателен по-своему — слагаясь в десятилетия, эти годы создают историю страны. Но 1986 год мы выделяем особо, так значительны его события: XXVII съезд КПСС, начало XII пятилетки.

Каждому советскому человеку дорог образ великого Ленина-вождя, создателя пролетарской революции, учителя коммунистов всех стран. И сегодня В. И. Ленин остается живым участником наших дел, нашим великим и мудрым учителем.

Советскими литературными создана обширная Лениниана. Это прежде всего книги о жизни и деятельности В. И. Ленина, написанные членами его семьи, художественные произведения М. Шагала, В. Катаева, М. Прилежаевой, З. Воскресенской, Э. Казакевича и др.

Издательство «Молодая гвардия» придает боль-

шое значение выпуску произведений, показывающих нашей юности «делать жизнь с кого». Это книги о Н. К. Крупской, Я. М. Свердлове, Ф. Э. Дзержинском, М. И. Калинин и других деятелях партии и государства.

Делать жизнь с Дзержинского — значит, выбирать для себя самую высокую, самую достойную цель и идти к ней, не страшась самых суровых, может, даже нечеловеческих испытаний. Славный жизненный путь нестигаемого большевика освещен в книгах, воспоминаниях его современников, рассказах соратников по революционному подполью. О нем написаны романы, повести, поэмы. Из художественной литературы следует назвать повесть «Возмездие» В. Ардаматского и роман-хронику «Мертвая зыбь» А. Никулина.

С первых дней существования Советского государства зарождавшаяся

социалистическая литература стремилась быть вместе с рабочим классом, вдохновляясь его революционными и трудовыми подвигами. Советская литература воссоздала правду и красоту деяний рабочего класса. В ее золотой фонд вошли выдающиеся образы Павла Корчагина, Семена Давыдова, Журбиных, молодоговардейцев.

«Коммунисты клянутся с честью выполнить призыв Военного совета, наказ Родины. Враг не должен пройти и не пройдет там, где сражаются коммунисты». Это о них, о людях передового края, железной гвардии коммунистов, которые первыми поднимались в атаку и собственным героизмом помогали боевым товарищам побеждать, написана книга И. Рощина и И. Сенькова «Парторги военной поры».

«Я хорошо помню тот солнечный апрельский день... Я смотрю на стартовую площадку, туда,

где высится гигантское тело ракеты. Серебристая, огромная, она так просто вписывается в панораму степи и почти сливается с белесым небом, будто дрожит, то ли от марева утренней дымки, то ли от нетерпения: скорее, скорее оторваться от земли и умчаться в бездну Вселенной. А там, за холодными листами металла, за крепкой тканью скафандра — человек. Там — Юрий...» — так рассказывает Герман Титов, космонавт II, в книге «Голубая планета».

Желанием о вступлении в члены КПСС Г. Титов поделился с отцом. Отец не замедлил с ответом: «...У Ленина есть слова, что «коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество».

Эти слова Ленина, характеризующие образ коммуниста, вечны.

А. БАНЩИКОВА,
старший библиограф
центральной библиотеки.

Редактор
М. Ф. НЕПОРОЖНИЙ.

НАШ АДРЕС:

678720, Томпонский район, р. п. Хандыга, ул. Героя Советского Союза Федора Охлопкова, 2.

«КРАСНОЕ ЗНАМЯ»

4 стр. ● 25. 02. 86.

Над выпуском номера работали: выпускающий — В. П. Шнырев, корректор —
линотипистка — Е. Е. Атакова, метранпаж — Ф. В. Артишина, печатники — П.

Позывные
субботника

**Помогли
строителям**

Все советские люди поддержали призыв провести 15 февраля коммунистический субботник в честь XXVII съезда КПСС. В этот день на ударную трудовую вахту в городах и селах выйдут и стар и млад. И, конечно же, в этих рядах будут и трудящиеся нашего района. Они будут трудиться на своих рабочих местах, на благоустройстве.

Некоторые коллективы уже отработали в счет коммунистического субботника. Хорошо потрудились в прошедшую субботу на 48-квартирном доме АЮГРЭ работники районной библиотеки и редакции. Конечно, конопатить окна — это не строить. Но и не это в итоге важно. Особую цену имеет вклад каждого в общий подорок стране. Ведь заработанные средства пойдут в фонд пятилетки, а все это во имя мира, на благо людей.

Г. АЛОВА.

Едва он дошел до перекрестка, у которого имел привычку останавливаться, чтобы перевести дух, как в глаза бросился лозунг, протиснутый между деревьями через уланку. Сделав несколько шагов в сторону, он упер толстую алюминиевую трость в асфальт, прочитав лозунг, подслеповато шурясь, постоял в раздумье несколько секунд и не спеша, пошел дальше, чуть-чуть припадая на правую ногу.

Старик точно выдерживал маршрут и с усердием школьника совершал своей каждодневный моцион по кругу театрального сквера. Закончив таким образом спортивную часть вечера, он уселся на скамейку у гранитной плиты напротив фонтана, рядом со мной.

Если бы у него спросили: почему он ежедневно, как только спадет паливший зной, появляется в этом небольшом городском сквере, — он не сразу бы нашелся. Сказать, что это его любимое место или познать плечами — значит сознательно принизить значение своих нелегких прогулок и перечеркнуть всю важность дум, которые посещают его под тенью этих акаций. Он приходит сюда потому, что здесь не шумно. Приходит потому, что это центр города, в котором он работал всю жизнь и которому отдал все. А главное, что заставляет его взбираться по долговому подъему, — это гранитная плита у большого фонтана, где похоронены его боевые друзья, его далекая молодость — кипучая, жаркая, ураганная, как сама революция... Он приносит им цветы.

Старик глубоко вздохнул и, сложив руки на выставленной трости крест-накрест, скользнул взглядом по проспекту и дальше в море.

Лучами закатного солнца насквозь просвечивалась даль. И дымка, которая целые дни висит над горизонтом, расступается перед его прощальным взглядом. Белым светом вспыхивает в море корпус пассажирского судна.

— Смело уходит в море. Вы не находите? — обратился он ко мне, заметив, что я слежу за белым кораблем.

— Да, — откликаюсь я, — спешит в простор.

Глаза его прищурились. Карие щели искрились из-под седых бровей сквозь нагромождение морщин. Старик долго провожал взглядом корабль в море. Затем не без интереса стал изучать публи-

ку, рассыпанную вокруг фонтана. Легкая прохлада и шестел воды собирали ее сюда. Она сидела в тени каштанов и акаций, гуляла по аллеям и фотографировалась на память, позируя перед треногой шустрого и маленького фотографа-армянина на фоне декоративной чаши, в которую с шумом падали с высоты низвергнутые струи.

Я осторожно взглянул на старика. Он был среднего роста, худой. Весь какой-то собранный и аккуратный. От него крепко пахло «Шипром». Тщательно выбритые впалые щеки и прилизанные седые волосы на голове наводили на мысль, что старик только что был у парикмахера. На отутюженном до блеска стареньком костюме в три ряда размещены награжденные колодки, а на левой стороне горел орден Ленина. Меня это несколько поразило. Я старался угадать по колодкам, какие награды у старика. Но он сидел спокойно, вертелся, и я, потеряв надежду угадать, решил обратиться к нему.

Но тут к нам подошел мужчина средних лет, голубоглазый и туго сбитый, в поношенной соломенной шляпе.

— Уступите немного места, — попросил он и грустно опустился на скамью. — Душно сегодня.

— Душно, — согласился старик. — Вы, наверное, с работы, — тут же заинтересовался он. — Я — отпускник. Отдыхаю. А жена на базар затащила. Нарушался там — под завязку. Чертовы курортники! Цены нагнали. Ни к чему не подступиться.

— Простая математика, — закивал головой старик. — Икс в данном случае. — наибольшее число. По сезону.

— Да что там! — буркнул мужчина в шляпе. — Кому что, а курке — просо. Тут вам и икс, и игрек. Спекулянт знает, когда ему повысить акции. Барыш — вот их математика.

— Я, собственно, о том же, — прошамкал старик, — экономический эффект, или, как вы говорите, барыш, и есть икс — число наибольшее.

— Может быть. Только все равно это грабеж — на рубль три огурчика! А огурцы? Не огурцы, а сморчки. Вот бы где народному то контролю и поработать.

— Базар — сектор частный. Цены — стихия базаров, — возразил старик. — Тут сподручнее милиции, а народному контролю как-то неприлично...

— А, милиция... — перебил его отпускник. — Знаем мы и милицию.

Старик нахмурился, поерзал на скамейке, вытер лицо и неожиданно предложил мне:

— Сорвите, пожалуйста, пять листиков.

Мужчина в шляпе выпучил голубые глаза.

— Рвите, рвите! — настаивал старик.

Я раздумывал.

— А можно мне? — вдруг предложил мужчина в шляпе.

Старик согласился и встал.

— Теперь разделите их так, чтобы в одной руке было два, а в другой — три, — стал диктовать он. — То, что у вас в правой руке, умножьте на пять. — Он остановился. — То, что в левой, — на четыре.

— Есть, — сказал мужчина в шляпе.

— Теперь сложите все вместе.

— Сложил.

— Сколько получилось?

— Двадцать три.

— Значит, у вас в правой — три листика, а в левой — два.

— Точно, — сказал мужчина в шляпе и удивился.

А старик удовлетворенно хмыкнул.

— Теперь число ваших лет умножьте на десять, — предложил он.

— Есть.

— Отнимите от полученного двадцать.

— Отнял.

— И прибавьте два.

— Есть.

— Сколько?

— 462.

— Вам, товарищ, сорок восемь лет.

— Точно! — громко воскликнул мужчина в шляпе.

Старик вошел в азарт.

— Если у вас есть братья, то их количество умножьте на пять. Игра продолжалась. Он жестиком кулировал, почти бегал перед нами, улыбаясь открыто и, казалось, совершенно зарылся в цифры.

— И сколько?..

— У вас две сестры и один брат.

— Точно! — совсем пораженный хлопнул по колену мужчина в шляпе. — Здорово!

Старик молчал. Карие щели слегка приоткрылись и оттуда глянули живые, добрые и озорные глаза.

— И как это у вас получается? — спросил мужчина в шляпе, покачивая ладонью в воздухе из стороны в сторону. — Мистика

или... Ловко и чисто как-то...

Старик остановился. Лицо его выразило недоумение.

— Это математическая логика, — сказал я, — логика цифр.

— Есть такая наука.

Мужчина в шляпе с сомнением пожал плечами, а старик, несколько оживившись, поддержал мою мысль.

— Совершенно верно — цифровой анализ. Я — математик. Сорок лет я читал в этом городе математику. Мне 74 года. Я стар, но я сорок лет читал здесь математику. — И, глядя на все еще сомневающегося мужчину, добавил. — Здесь все просто. Научно. Если у вас в правой три листика, а в левой два, то после простых арифметических действий, которые я вам предложил, сумма составит число, равное 23. Если же наоборот, то сумма равна 22. Вот и вся мистика.

— Согласен... — сказал спутник.

— Вот и в Индии укротители змей есть. Они на дудке играют, а змеи под музыку из корзины головы высовывают. Выманивает их музыка. Тоже, говорят, все просто делается, но, однако, и тут без фокусов не обходится. Возьми я сейчас дудку, и никакая змея у меня не захочет из корзины выйти. Одно слово, факир — волшебник, значит.

Старик усмехнулся.

— Я не волшебник, к сожалению. Я просто школу вспомнил. Мы, бывало, на уроке с ребятами так же играли. Я им задаю, а они все головы ломают. Думают о каких-то невероятных вещах. А потом мне часто приходилось рассказывать им о занимательной математике. Это увлекало ребят. Интересно. Вот так порой к наукам приобщал молодое поколение.

Отпускник, чувствовалось, не верил. Он для приличия согласно кивал головой, чего-то прикидывал в уме, а затем сказал:

— Хитро! Прямо здорово, как все хитро! Я тоже человек образованный, заведующим в складе работаю, но так точно всю библиографию у незнакомого человека...

Не смогу. Хотя арифметика у нас — это все. Прощайтесь — старик!

Старик снова прищурил глаза.

— Зачем все так мрачно? — сказал он.

— Мы тоже, конечно, не без грехов, — рассуждал отпускник, — со всеми мирно жить нужно. А время такое — не зевай. Живо тебя могут к ногтю, даже дружки. Так что знаю и икс, и игрек, а вот так... Тут не по мне...

Старик, пока тот говорил, несколько раз попытался вмешаться, но только неловко переминался с ноги на ногу.

— Завскадом — это ответственно, спору нет, — наконец сказал он, — и, немного помолчав, добавил. — Извините, мне пора и, нас, пех распрощавшись с нами, заспешил, чуть припадая на правую ногу, в ту сторону, откуда он имел обыкновение появляться в сквере, когда спадает зной.

Человек в соломенной шляпе смотрел на сутулую удаляющуюся фигуру математика и, выждав, когда тот отошел на приличное расстояние от нас, быстро зашептал мне на ухо:

— Аферист. Это точно. Я их нюхом чую. С таким не садись играть в карты: облопошит. Жулик! А как это цифрами ловко умеет. А? Мне бы уметь так. Я бы у себя в торговой сети... Два листика в правой — трешка в левой...

Последние слова, видимо, понравились ему и он с чувством собственного достоинства смачно заглотал. И смех его мне показался жирным, как подтаявшее сало.

Я вскипел.

— А вы? Знаете, кто вы?..

— Но, но! Потихе, зелен. Вон, видишь, ходит. Я тебе сейчас живо пятнадцать суток приведу...

Я сплюнул в сердцах и оставил человека в шляпе одного на скамейке под акациями. А старик, я видел, дошел до перекрестка и по привычке остановился, чтобы перевести дух. Затем он медленно, но уверенно пошел привычной дорогой.

Ты похож на него

РАССКАЗ

НАЧАЛОСЬ все очень буднично. Мать пришла с работы и сказала:

— Сынок, сегодня пойдем с тобой в кино!

Он уже хотел было отказаться, но, взглянув на оживленное лицо матери, не отважился огорчить ее отказом. Сказал только:

— Мам, с нами и Наташка пойдет, дажно?

— Ну конечно, какой может быть разгосор!

Ей очень нравилась дружба сына с этой девушкой. Они учились на одном курсе, и матери нравились их споры, бесконечные шуточные замечания друг другу, совместные походы по музеям, по окрестностям городка, вылазки на лыжах зимой.

Наташа была в их маленькой уютной квартирке своим человеком. Когда Екатерина Михайловна болела или отлучалась из дому в командировку, она варила вместе с Олегом нехитрые обеды, гладила и стирала, а иногда, когда он этого заслуживал, журила его вместе с матерью.

Часто, когда они готовились вместе к зачетам или экзаменам, мать, сидя в своей комнате, думала о их дальнейшей судьбе. Вспоминались нелегкие

послевоенные годы: не хватало маленькой зарплаты на двоих, часто приходилось отказывать себе даже в необходимом, чтобы сын, ее любимый Олежка, не знал ни в чем нужды, чтобы рос он счастливым.

Трудно было растить его одной, но она никогда не жаловалась, не хотела дать повода злым языкам. Ведь как злорадовались соседи, когда она приехала с фронта, ожидая ребенка.

Разве расскажешь им, каким зеселым и хорошим был отец ее будущего ребенка, какие планы вынашивали они, лежа под огнем в снегу, как он любил ее?

Он так и не увидел сына: Олежке исполнилось двадцать дней, когда пришел тот sereneкий листочек, извещавший о том, что «...ваш муж, Сергеев Иван Петрович, пал смертью храбрых в боях за Родину...»

Так никогда и не увидел Олег отца, не было даже фотокарточки. Знал его только по рассказам матери да как зеницу ока хранил письмо командира части, в которой служили отец и мать. Письмо они получили в том же 1945 году, когда погиб отец. Олег тогда ничего не понимал, слабый и беспомощный, лежал он в на-

дежных руках матери и бессмысленно таращил свои карие, как у отца, глазенки.

Прочитал он письмо уже учась в седьмом классе, прочел и долго молчал. Потом сказал матери: «Я постараюсь быть похожим на него».

Слово свое Олег держал, никогда не приходилось матери краснеть за сына: первый в учебе и в труде, он был любимцем товарищей и гордостью учителей. В институте, где Олег учился теперь, тоже хорошо отзывались об этом серьезном не по годам юноше.

Наташа вбежала в комнату и сразу начала тормошить Олега, досталось и Екатерине Михайловне.

— Тетя Катя, ну пойдемте, ведь опаздываем!

Подойдя к клубу они увидели, что афиша, висевшая ранее, заменена, вместо обещанного фильма висело объявление, что будет демонстрироваться документальный фильм «Великая Отечественная».

— Ну, документальное, — недовольно протянула Наташка.

— Давайте лучше погуляем...

— Нет, друзья, пойдемте, посмотрим. Когда еще выдестся

свободный вечер.

— Хорошо, мама, пойдем.

С первых же кадров на Екатерину Михайловну дохнуло знакомым, незабытым... Знакомы были самодовольные тупые лица гитлеровцев, шагающих с автоматами наперевес, и разоренные, обгоревшие развалины украинских сел, и могучие залпы «катюш» — все это было пережито, перечувствовано самой, вместе с Ваней, вместе с товарищами.

И вдруг в тишине зала раздался ликующий голос Наташки:

— Тетя Катя, смотрите, ведь это вы!

Но она и сама уже увидела себя, своих тозарищей и его. Ивана, оживленно беседовавшего с командиром...

— Олег, смотри, вот твой отец, смотри и запоминай.

И как, бы по их желанию, долго еще на экране оставалось дорогое лицо.

Из кино возвращались молча.

В тот вечер Олег долго не возвращался домой, Екатерина Михайловна уже начала беспокоиться.

Возвратившись, он тихо сказал ей:

— Мама, не ругайся, я был в кино.

Они с Наташкой просидели еще два сеанса, чтобы снова увидеть отца, навсегда запомнить его дорогие черты.

А на другой день, узнав, где демонстрируется эта картина, они опять все вместе пошли в кино.

Возвращаясь домой, Наташа сказала:

— Тетя Катя, а почему вы никогда не говорили, что вас снимали для кино?

— А я не знала, Наташенька. Видела, как-то, вертелся около нас какой-то с киноаппаратом, да не придавала этому значения.

Через несколько дней сын подал матери плотный черный пакет.

— Мама, теперь у нас есть папина фотография.

Она достала карточку, прямо на нее смотрели знакомые глаза Ивана, строгие, ласковые...

— Как же вы сумели?

— Да уж сумели...

Вместе смотрели они долго на дорогое лицо.

— А знаешь, мама, я здорово на него похож, правда?

Сквозь слезы, застилавшие глаза, она посмотрела на сына и сказала:

— Да, ты очень похож на него, мой мальчик.

Рассказ

На низеньком пологом бугре, в густых ковылях видна могильная пирамида. Гладкие сгугатуренные бока ее чисто побелены с синькой. В узкое крашеное малиновой краской углубление вмурована металлическая пластина с надписью: «Здесь похоронены бойцы и командиры Н-ской заставы, их жены и дети, тогибшие в неравной схватке с фашистами 22 июня 1941 года».

Ниже следует короткий список погребенных.

Рядом с холмиком, сохранившим форму могилы, но похожим больше на скромную клумбу, стоял мужчина. Ветер дыбил его жесткие седые волосы, а он стоял в глубокой задумчивости, склонив голову, и не шевелился. Изредка шаловливый порыв ветра срывал с его ресниц тяжелые слезы и бросал их на выгорающие соцветия голубых ромашек, но слезы снова накатывались на ресницы из темно-синих глубин.

А вокруг буйно зеленели поля и сады.

По раскаленному асфальту международной трассы, которая прямой чертой разрезала деревню и пробегала мимо бугра за границу, с шумом пронеслись автомобили. Мужчина стоял долго, потом присел на шелковую поросль ковыля, закурил. Измученные глаза его пробегали окрестные пейзажи, ни на чем не желая остановиться всерьез. Память же мимоходом отмечала все, чего не доставало в этих зеленых кадрах.

В роще, у самого выхода на прибрежный луг, когда-то стояла застава, которой командовал он, старший лейтенант Константин Пильченко. Нет заставы теперь. Время успело залатать то место. Только внимательно приглядевшись, можно заметить, как высоко и буйно тянутся на фундаментных ямах огромные заросли крапивы. Почти у самого берега реки была траншея. В ней они встретили немцев... Но время зашило и траншею.

С тех пор, как фашисты начали

возню на том берегу, на заставе жили законами боевой тревоги. И все же начало было неожиданным. Старшему лейтенанту не пришлось воевать в первый день. Он бил фашистов потом, гнал их до самого Берлина, а этот день плохо помнит. Его чуть ли не первым взрывом забросило в какую-то земную складку и засыпало. Он не видел, как гибли товарищи, как на заставу пришли немцы. Он не слышал боя. А когда очнулся — было все кончено. Стояла тишина и мирно светило солнышко... Дымыла разрушенная казарма, над остатками караульного помещения еще не успела осесть пыль. Дом офицерского состава без окон, без дверей напоминал обглоданный череп, над которым, зацепившись, тихо болталась тюлевая занавеска, словно женщина робко помахивала белым платочком кому-то на дороге. Раздирало виски, свинцом налилась голова.

«Где гарнизон? Почему так тихо? Наташа! Что с ней?». Он зашевелился, резко приподнялся и тут же упал, потеряв сознание. Вторично пришел в себя уже в деревне, в погребке знакомого активиста-колхозника. Он и рассказал ему о неравном бое на заставе.

Много с тех пор прошло времени, но о Наташе и о сыне Сережке, об их гибели старший лейтенант так и не узнал никаких подробностей.

★ ★ ★

У реки бой уже затихал. Все реже и реже стреляли, а Наташа забыла даже, что она еще не одета. В распахнутом халате, под которым ее стройную и красивую фигуру обтягивала короткая комбинация, она металась то в коридор, то к раненым, которые умирали на полу ее дома, то к десяти-месячному сыну. Лямка на правом плече оборвалась, и Наташе, чтобы прятать обнажающуюся грудь, приходилось все время подтягивать комбинацию вверх. Но она

тут же спала, а Наташа снова ее поднимала. Тревога, растерянность не давали ей сосредоточиться. Она все делала машинально, хотя плохо понимала, что же надо делать. Изредка, бросив взгляд за выбитое окно, она видела, как по дороге, мимо заставы к селу мчались танки, мотоциклы, машины, тучи самолетов пролетают на восток. У заставы, во дворе, в роще рвалась земля, падали подожженные деревья, в воздухе свистели пули, а у реки неистово строчили пулеметы, автоматы. Где-то там был и ее Константин.

А потом привезли раненых... и все. Наташа сбегала в медпункт, но там никого не было. Соседки дома тоже не оказалось. И Наташа поняла, что вообще на заставе только она, ее сын Сережа и раненые.

Сережа ревел не переставая, на полу в предсмертных судорогах корчился старшина. Ему разнесло живот. Рядом с ним стонал в беспмятстве молодой боец первого года службы.

Слезы градом текли по лицу Наташи. Она, кажется, сделала все и больше не знала, как успокоить сына, как облегчить страдания умирающих.

Вскоре затих старшина, а вслед за ним и молодой боец. Наташе стало тошно, захотелось пить и она выбежала из дома с Сережкой на руках.

У реки больше не стреляли. На заставу осторожно, с автоматами наперевес входили гитлеровцы. Она остановилась и попыталась, не веря, что уже все, что никого нет, что Константин погиб и что вокруг только враги... С испугом она вглядывалась в мертвые лица лежащих на полу. Ей очень хотелось их разбудить. На минуту она даже поверила в свою надежду. Конечно, надо их поднять. Ведь

кроме них никто не сможет защитить ее и Сережку. Сережку? Она сильнее прижала сына. Разве это возможно, чтобы не стало вдруг ее Сережки?

У крыльца послышались шаги. Гитлеровцы топтались у двери. Видимо, боялись войги. Наташа спохватилась. Усадив Сережку в безопасный угол, она взяла ППШа старшины. Сережка будто понял ее и сидел молча. Она взглянула на него и решительно толкнула ногой дверь.

Немцы остолебели. Наташа нажала на курок. Громкая очередь прорезала наступившую было тишину. Упал один, потом второй немец. Палец онемел. Никогда раньше Наташа не брала в руки оружия. Вдруг снова стало тихо. Наташа несколько раз нажала на курок. Автомат молчал. Вскрикнув в отчаянии, она бросила его и скрылась за дверью.

Шаги снова приблизились к крыльцу. Вот открыли дверь, в ступу рядом ударили пули. Прижимая Сергея к груди, Наташа медленно отходила в угол. Еще секунда и перед ней вырос рослый блондин в грязном и намокшем мундире. Потом их стало четверо.

— О...! — удивился один. — Рус фрау?!

— Аве Мария! — многозначительно сказал другой.

— Зер гут! — снова сказал первый, показывая пальцем на ее ноги.

Четверо бесцеремонно разглядывали Наташу. А она, стараясь держаться достойно, смотрела на них в упор, прятала от их колючих взглядов голову своего сына и все туже жалась в угол, словно хотела войти в него вся. Халат ее сбился, обнажив стройные ноги.

— Их бин ерстен, — наконец сказал блондин и с силой рванул из рук Наташи сына. Она вскрикнула, подалась вперед. Сережка, брошенный на пол, громко заплакал.

Наташа забилась неистово, ца-

рапалась, кусалась, но сильные руки сорвали с нее одежду, подтолкнули в спину и кинули на кровать.

...Ей было плохо: ее тошнило, тело горело в сильном жару. Наташа то впадала в какое-то кошмарное забытие, то на мгновение приходила в себя. В бреду она отчаянно кричала, звала Костю. Сердце рыдало кровью, губы высохли и вспухли, глаза не видели света. Наташа не знала как долго продолжался позор, но чувствовала, как они сменялись. Она сжалась, собрала последние силы, выгнулась и сбросила с себя чье-то омерзительное тело. Ее потом сильно били по лицу, в грудь, в пах. Было больно, очень больно, но она будто окаменела.

Ее связали и оставили, кинув рядом с ней безголосого ревущего Сережку.

Сережка подполз к ней, уткнувшись голодным ртом в искусанную размякшую грудь, притих.

Блондин наклонился над ней. Он хлопал ее по нагому животу и жестко смеялся. И в знак «признательности», просунул пальчик Сережки в кольцо «лимонки», оставив ее на груди Наташи под веревками. Наташа пыталась подняться, чтобы отнять у сына гранату, но не смогла, мешали скрученные за спину руки. А Сережка медленно тащил к себе кольцо гранаты, которое также медленно выходило из гнезда.

Вскоре в выбитое окно вместе с отчаянным криком женщины вылетело облачко порохового дыма — остаток последней Сережкиной игрушки.

★ ★ ★

На низеньком пологом бугре, густо поросшем ковылем, видна небольшая пирамида. Ни фотографий на ней, ни надгробных скульптур. Здесь, в братской могиле, похоронили люди Наташу, жену командира заставы, и ее сына Сергея, который погиб, не успев выучить в жизни ни одного слова.

ЗЛОЙ

(Д о р о ж н ы й э т ю д)

Дед Егор ехал неведомо куда и возвращался неведомо откуда. Говорят только, что был у сына, а едет к дочке через всю Сибирь. А ездит он по делам житейским: уму-разуму детей учить, чтоб в жизни этой путаной свою щель нашли и стерегли ее, как рыба колюшка.

Дед жизнь прожил. Теперь одна забота — детей пристроить. Вот сыну уже 30 лет. Сын своим умом живет. А дочка помоложе. В ней еще всякое бродит. Например, в Сибирь ее нелегкая погнала — какую-то домну, не то дамбу, не то дорогу в лесу строят. А народ-то, он разный. С ним ухо остро держи.

Вот так и нет покоя старым костям. Всю жизнь, покуда детки рядом были, в страхе их держал, а теперь поди достань их родительской волей, когда их разметало, как божий одуванчик. Заворчишь, однако, при таком положении. И он ворчал не переставая от самого Урала до Байкальских гор. Вообще мы, я и мой товарищ Колька, парни были шумные: оба играли на баяне и каждую свободную минуту веселили весь вагон, а дед злился не по-людски да не по уму — не то все. Порча все.

А к нам все шли и просили: — Ну-ка, паря, давай нашу подгору!

— Для души, хлопцы, грайте — просил сосед украинец, — шоб' винною пахло.

А мы ему и про Днепр, и про удалого казака. Голько дед капризничал. Ему эта «свистопляска» на почки действовала.

Однажды ехавший с нами грузин шепнул мне:

— Слушай, кацо, пачему ты играешь подгорка, барыня-марыня, сыний город и всякий таратара? А где кавказский мелодия? Грузинский, армянский... А почему лезгинка не играешь? Ва-а-а-й.

Я посмотрел на Кольку, а Колька на меня, и мы ему дуэтом лезгинку. Грузин сделал большие глаза, потом щелкнул пальцами, а потом стал кричать:

— Тащ-тащ! Туш-туш! Ба-а-а... Сагол! Давай, кацо, дорогой, тащ-туш!

На следующий день грузин при нас яблок, высыпав их к нам из мешка и сказал:

— Дорогой, еще лезгинка? Хорошо играешь.

Вскоре в нашем купе стало много грузин, много яблок и много апельсинов.

Дед нервничал, а мы с Колькой поедали фрукты и играли «тащ-туш». «Ас-са», «Сулико», «Тби-

лиссо» и больше не возвращались к «Барыня-марыне» и «всякий таратара». Дед вскоре не выдержал.

— Чего вы эту тарабарщину за теяли? Играйте по-людски. Эти тащи-тущи и впрямь какая-то чертовщина.

— Зачем тащи-тущи, отец, — вмешался грузин, — это не тащи-тущи. Это лезгинка. Замечательный лезгинка!

— Нет, — отмахнулся от него дед, — в наше время таких не истрывали. Вот, бывало, как выйдем мы с тальянкой, так такие песни и пляски на лугу устроим, что и царские балы нам ни по чем.

— Мы не можем с итальянкой, отец. У нас только грузинки. Хороший, красивый! Волос, брови черный-черный, глаза, как ночь... Вай джан-и! Хорошо, отец, замечательно!

— Чучеки вы и есть чучеки. — согласился дед.

Так мы и ехали. Жаль, что грузины сошли в Иркутске, а с ними и яблоки, и апельсины. Для нас это была ощутимая утрата, зато дед торжествовал.

— Слава богу, ушли тащи-тущи. Этак и спокойней и вроде бы легче.

От Иркутска нам оставалось сутки езды, а это были сутки самой кошмарной дороги. Дед грыз нас сосредоточенно и, казалось, с увлечением:

— Бездомные. — ворчал он, — что тут для вас манна небесная приготовлена? Тоже мне строители, стилиги. Вот ты, безусый пострел, мамку-то давно сосать перестал?

— Мне 17 лет! — возмущался Колька.

— Вот, вот, я то же говорю — герой с горшка. Тебе еще под подолом сидеть да мамкиным теплом греться, а ты бродяжничать пустился. И что вы тут в этой Сибири распроклятой находите? И моя туда же. Морозы тут вас сожрут! Сожрут, вот истинный крест, сожрут!

— Молодежь нынче уродилась, рассуждал дед с соседями. — Эх-х! Без ума, без совести. Один верхотляды. Ни силы в них, ни мужиковской хватки: тонкие, тонкие, в коленях, слабые, как клыки. Кабы в наши дни такого — смех один...

И пошел дед Егор... чистит и чистит без разбора часами. Его скрипучий голос слышно и в проходе, и в тамбуре, и в туалете, а согнутая хилая спина дедушки как червь, скользит из купе в

купе. Хитрые бегущие глаза подмечают все, из всего, выуживая только мусор для наглядности и осуждения.

Хорошо, что как раз в это время мы с Колькой к табаку приехали — все же выйдешь в тамбур, покуришь, от дедушки отдохнешь. Правда, уж на ночь глядя, дед дал нам перцу и за табак.

— Много курите, сукины дети! Мы с Колькой виновато улыбаемся.

— Чего скалитесь? — заревел дед.

— Ох...!

Утром мы еле дождались своей станции.

Выйдя на перрон, мы немного отошли от вагона и составили рядом все наши пожитки. Спешить было некуда. Мы закурили и стали глазеть по сторонам.

Дед Егор тоже вышел. Он пристроился к гипсовой цветочной вазе на солнышке позади нас и, блаженно сощурившись, вытянул шею к солнцу. Дед грелся. Я стал наблюдать за ним. И в это время Колька несколько раз ткнул меня в живот. Я перехватил его взгляд. Мимо нас гордо шагала блондинка в короткой юбке выше колен.

— Плывет-то как! — восхищался Колька.

Действительно, плыла она красиво. Блондинка подошла к нашему вагону.

Колька собрался что-то сказать, но не высказал, потому что сзади послышалось ворчание дедушки:

— Бесстыжая! Подол-то задрала... Тьфу-у, мать честная!

И, чертыхаясь, он засеменил к вагону вслед за блондинкой.

Колька всплеснул руками, ударил себя по бокам и выпалил:

— Нашел?! Ну и дед?! Пропала девка...

Мне это так понравилось, что я расхохотался.

Уже на подножке дед Егор обернулся и помахал кулаком:

— Ух! Не я ваш отец, — и исчез в вагоне вслед за блондинкой.

Взвизгнув электровоз и состав тронулся. Рядом с желтым пламенем нашего проводника высунулась светловолосая голова. Она улыбалась кому-то в толпе провожающих. Колька приложил руки ко рту рупором и закричал:

— Держись, «Ми-ни», держи-и-ись!

Гарун АРИСТАКЕСЯН

Ошибка Адама

(Сатирический рассказ)

Однажды Адам Адамович Атастыров, оседлав любимого коня, обгоняя ветер, взял курс строго на Запад. Да так понесся, что у выходяща только копытца загаскивали, и ошметки снега, вот те крест, на десять метров отлетают. Это он поехал в темный лес дремучий осмолить охотничью снасть.

И то верно, что Адам Адамович сизмалства славится как охотник талантливый. Но никогда байанай не одаривал столь щедро, сколь в нынешний год. Не с проста желтым маслом да крутой сметаной подкармливал бесценный дар лесного у натопленного очага.

Ехал Адам и думы веселые думал.

— Должно ж сегодня быть уготовано. Ведь тот раз фортуна преподнесла местечко. От избытка радости вдруг зашел Адам Адамович на старинный манер:

Возвратиться в вечерку
В светлую горницу свою,
Приторочив на боку
Черноостенную.

Как обрадовалась бы тогда
Красавица жена,
Черноока, белолица,
Катеринушка моя.

Не заметил Адам путь-дорогу.
Подъехал к месту, где оставил
настороженный капкан. Радость
добавилась еще и тем, что туда
пошел след самого ценного зверька — соболя.

Стой, стой, стой. Екнуло сердце
молдца. Так и есть, попалась
красавица. Перетоптан снег
без преувеличения десять туда,
десять сюда. Но нигде не видно
черноостого. Но Адам человек
расчетливый. Зря не станет трезвонить. Решил сначала след ус-

тановить.

— Ва-ва-ва! Так и есть, недав-
но прошел лыжник с собакой.
Тут нашлась и палка с проволо-
кой, торчавшая из-под снега. А
капкана нет.

Среднего роста, ладного телосложения, с большими открытыми глазами, словом, парень — кровь с молоком. Входит он с подавленным видом в контору на-
слега.

— Ба, Адам! Что с тобой, ты
на себя не похож, где же твой
ангельский голосочек, — товари-
щи встретили его, явно потру-
нивая.

— Плохи мои дела, — сетует
Адам. — С капкана моего кто-то
снял первосортного соболя. Оста-
лась палка с проволокой — это
точное подтверждение того, что
украли. Рядом проходил лыжник
с собакой. Поедем, посмотрим, ус-
тановим вора.

Все, жалостливо глядя на
Адама, начали обсуждать, кто
же из охотников ходит в те края.
Им оказался Василий, по про-
звищу Байанай.

Разговор с молниеносной быст-
ротой облетел поселок. Разгорает-
ся спор. Василий — знатный охот-
ник. Поднял столько детей на
ноги только промыслом. Недаром
его прозвали Байанаем. Слышет
исключительно честным челове-
ком. Может капканы насторожил
рядом. Тогда, возможно, и ошибет-
ся. Другие твердят: — Наверное,
хищники съели. — След не уста-
новил как следует, а говорит, —
укоряли третьи.

— Сказали тоже. Неужели Адам
плохой следопыт? — Уж он-то раз-
личит следы человека и зверя.
Словом, говорили, гадали, кто
во что горазд.

Разговор дошел до слуха Васи-
лия Байаная. Страшная молва

лишила его сна. Он во что бы то
стало решил установить прав-
ду. Ранним утром, когда чуть
забрезжил рассвет, встал на лы-
жи. Ни один десяток лет он хо-
дил по этим местам. Наперечет
знает не только острова батуш-
ки-Алдана, но и каждый кустик,
каждое дерево. И он пошел пря-
мо на то место, где должен был
находиться капкан Адама.

Действительно, нет капкана.
Только и близко не было соболя.
Спустился какой-то пернатый. И
когда начал клевать приманку,
наступил на капкан. Долго билась
птица. Чтобы установить правду
и отвести клевету, направился в
наслед. Но встретил человека,
идушего как раз туда, и попро-
сил:

— Передайте руководству на-
слега: пусть пришлет комиссию,
да и обследует злосчастного со-
боля Адама. А с ним я когда-ни-
будь встречусь с глазу на глаз.
Он объяснит мне, как опозорил.
С этими словами Василий напро-
вился в свою охотничью избуш-
ку.

Комиссия была направлена на
следующий день. Действительно,
не соболя, а сова поймалась в
капкан. Долго билась птица,
наконец, оборвав проволоку,
взлетела, но зацепилась за сучок.
Да и повисла вниз головой.

Так восторжествовала справед-
ливость Байаная. Одновременно
раскрылась ошибка Адама Адамо-
вича Атастырова.

Потом пошел слух, что соболя
то черноостый прошел мимо кап-
кана Адама и уготил в снасть
Василия Байаная. Так фортуна
на этот раз вознаградила старо-
го следопыта, а Адам остался с
носом.

Н. ОХЛОПКОВ.

Охотничьи рассказы

ГУСЕЙ ПРИВЫК наблюдать я в стремительном полете. А эти, широко распластав крылья, парили. Парили над вершинами елоков, над желтым осенним лесом, над поляной, где стояла моя палатка.

Птицы спешили на юг, птицы улетали от зимы. А эти, вроде бы, и не торопились. Целая стая гусей. Они кружились над поляной, все ниже и ниже прижимались к земле, словно в пожухлой траве высматривая что-то.

Спрятавшись за стволом лиственницы с ружьем в руках, я наблюдал за гусями. Чего они ищут, чего они хотят? Что, наконец, привлекло их внимание? Может палатка,

ГУСИ

а может быть Белка — маленькая дворовая собачонка, что носится сейчас по поляне, заливаясь, точно, колокольчик, долгим пронзительным лаем.

Собачонка размером с зайца и такая же, как заяц, белая. Оставил ее мне на время приятель мой, Афоня. Говорит, дескать, на дичь зодоплавающую Белка здорово ходит. Как она ходит на дичь я не знаю, а вот настроение собачки мне постоянно портит. Пойду, скажем, и в лес, зайца примечу, а она возьмет, да и тайгу косоного угонит. Сплю ночью в палатке, а эта самая

Литературный
УГОЛОК

дворняжка вдруг такой концерт организует — не приедди господи. От ее лаи и сон, как рукой снимет. Или вот сейчас на гусей разъярилась ни за что, ни про что.

— Тише, — говорю, — окаянная! Гусей испугаешь. А она еще пуще заливается.

Гуси-то все ниже и ниже опускаются. Вот они уже над вершинами деревьев. Близо совсем. И свои длинные шеи вниз тянут и все лопочут что-то на непонятном своем птичьем языке, и вроде, даже, собачонку норовят клювами ухватить. Может, показалось все это мне. Не знаю, уж как получилось, только выстрелил я. Прямо в воздух, дуплетом. Вмиг взметнулась гусиная стая

и пока я ружье перезаряжал, гусей и след простыл. Вот оно как случилось...

Вечером Афоня вернулся. Рассказал я ему историю с гусями, поинтересовался, не слышал ли он что-нибудь подобное?

— Слышал, — отвечал тот. — Хитрого тут ничего нет. Гуси-то на севере живут, в тундре. Там гнездятся они, деток своих выводят, и живут там, в тундре, песцы — хитрющие твари! С гусями у них постоянная вражда. Гнезда гусиные зорят, гусенят маленьких таскают. Видать, эти гуси пришили собачонку за песца. Решили перед отлетом рассчитаться с ним как следует. И рассчитались бы! Да вот ты помешал...

КАЖДУЮ ВЕСНУ охочусь я в местечке, что у Камышового озера. Озеро длинное и прямое, точно ствол стройной березки, сплошь заросло камышом, да резучей осокой.

Из года в год жили на Камышовом журавли, вернее, пара журавлей. Видно, понравилось птицам это глухое, таежное озеро. Не хотели они менять его ни на что другое. Так и жили. Здесь свои брачные обряды справляли, здесь выводили птенцов, и, затанув дыхание, следили за первыми полетами их. Отсюда, с Камышового, всем семейством улетали они на юг.

Любил я охотиться в этих местах. Собственно, не один я любил. Охотился здесь старый таежник Степан Николаевич. Много зорек встречили мы с

Песнь журавлиная

ним вместе. Много раз у таежных костров выжили, и историй охотничьих рассказали друг другу достаточно, много раз, затанув дыхание, слушали песнь журавлиную...

Солнце едва взойдет, и лучи его косые чуть-чуть коснутся поверхности озера, как на Камышовом начинаются дуэты. Первым начинает самец, он хлопает крыльями и кричит на всю тайгу:

— У-у-у-у-у!

Ему отвечает его подруга. Какое-то время они переговариваются. Потом гортанные, зовущие звуки птиц переплетаются, смешиваются друг с другом, сливаются в одну многотонную песню, песню любви, радости и счастья.

— Слышишь? — толкает под бок меня старый таежник. — Поют-то как, а! Музыка настоящая.

И глаза старика теплеют. В них я видел радость и доброту и наслаждение лесным покоем и этими неповторимыми звуками.

Вот так каждый год и ходил я на Камышовое озеро. Какая-то необъяснимая сила заставляла меня совершать ежегодно по тайге и по болотам этот многокилометровый путь. Хотя и теперь. Только нет на Камышовом озере больше журавлей, не селятся там птицы.

Как-то весной встретил меня на озере Степан Николаевич. Хмурый, невеселый старик

был. Журавлику, говорит, браконьер какой-то на Камышовом убил. Убил просто так, из озорства.

— Эх, не попался он мне. Я бы показал ему, — старик чуть не плакал от досады.

Долго летал тогда журавль над озером, долго призывно кричал, дожидаясь свою подругу, что серым комочком лежала в зарослях прошлогоднего камыша. Потом улетел. Улетел навсегда.

С тех пор и не живут на Камышовом журавли. Может быть, вместе с птичьим клином они улетают дальше на север, а может, отыскили где поблизости, другое какое озеро? Может быть... Только давно уже не слышно в наших краях песни журавлиной.

„Повезло!“

— Уф-хо-хо. Бр-р-р! Вот это ударил, так ударил сегодня морозище. Ах, хороша, тепла изба... Эх, сейчас бы крепкого горячего чайку, подбеленного сметаной. К тому ж, чуток не мешало бы пропустить...

Вот это да. Ай да Петрусь, знает чертяка, почему фунт лиха на морозе-то. А?

Послушай-ка. Позавчера, вечером, значит, деду Байбалу тоже подкинули дровишки. Мерзнуть-то здорово не мерзли. Но как только зашли в избу, известное дело, начали проклипать мороз на весь белый свет.

Старик, конечно, догадался, куда гнем. Разливаю. Потом покопался в шкафу и вытащил оттуда парочку, белоголовых. А потом:

— Сынки, покель старухи нет дома, оформите-ка сих славных.

А мы, орлята, разве заставим себя уговаривать. Вмиг увидели доньшко одной из них и со звоном бросили под кровать.

Отогрела-таки нас окаянная. Разговорились было, а тут объявилась бабка Дарья.

— Детушки мои. Вот молодчины. С гостинчиками, знать, пришли. Радость-то какая...

Я с готовностью подлив ей в чашечку. Бабка, чуть пригубив, отнесла ее в шкаф, прикрыла сверху блюдечком. Как же? Иначе вся крепость улетучится. Бабка знает, что к чему.

— Бабка, — говорю. — Сначала обшарь шкафчик, а потом нас благодари.

— И-и. Что ты говоришь, сынок. Откуда же будет водка в моем шкафу. В нем она и не ночевала. Ничегошеньки нет, деточки, — с этими словами баб-

ка спешно зашаркала за печку.

Ха-ха-ха. Как вспомню вчерашний день, так смех разбирает. Встречаю деда, расспрашиваю. А он, почесывая затылок, бурчит: «Старуха чуть живьем не проглотила». О-ох-хо-хо.

Так я угостил бабу, значит, Дарью, ее же запасами.

Да-а. Спиридон Спиридоныч. Какая ты славная вещь. Лучшего лекарства для души не найти. Петрусь, и впредь поручай что-нибудь. Мигом сделаю.

У-у. Чуть не запамятовал. Когда-то подбрасывал дровишки Михаилу. Надо завернуть к нему.

☆☆☆

На завтра в поселке шла молва: «Шофера Виктора за лоровод со славной белоголовой «премировали» десяткой сутками. К тому же распростился с правдами. «Повезло».

Что с нас возьмешь?

ФЕДОР сидит у своего соседа и закадычного друга Семена за богатым праздничным столом, болатая бог весть о чем.

— Праздники — вот славные деньки. Сам подумай. Ну кто будет не рад, у кого не поднимется настроение до небес, видя столы, ломящиеся от яств, от различных вин, выстроившихся, что твои солдаты на параде? Кто как, я сам не прочь устраивать праздники каждый божий выходной. Ха-ха-ха.

Семен, хитро подмигнув жене Евдокии, из буфета принес бутылку с ярким иностранным ярлыком.

— Федор, вот остатки от кубинского рома. Уж не по-

жалею, угощу друга ради праздника.

— С превеликим... Попробуем иностранного. Что наши... — Федор пренебрежительно отворачивается от стоявших строем бутылки.

Семен разливает по бокалам жидкость, похожую на слабый раствор медвежьей желчи. Федор вначале, причмокивая, отпивал по-немногу, потом, не выдержав, жадно опрокинул все содержимое пузатого бокала.

— О-о! Вот это да, иностранная! до печенок... Вкус, крепость. Наши ей — не чета. Ох и умеют же делать шельмы.

— Давай теперь коньяч-

ку нашего попробуем, — Семен приносит неполную бутылку.

— Э-э, наш есть наш, бедалага. И крепость не та, и воняет клопами. Тыфу, — Федор даже поплевал на пол, хотя рюмку опрокинул с не меньшим удовольствием.

Евдокия теперь уж не смогла выдержать и тоненько расхохоталась:

— Федор, ты дошел до того, что не различаешь вкус вина. Ты же выпил не ром, а коньяк, наш, советский... Э-эх! Ну да ладно. Что с нас возьмешь.

Перевод с якутского
И. ОБУТОВА.

Литературный УГОЛОК

Слово — местным авторам

А. Кокин

(РАССКАЗ)

К а ю р

ПАДАЯ, Алексей заметил, как передняя лошадь оторвалась от связки и рванулась к ручью. У крутого склона она резко остановилась, отчего тяжелые выюки съехали ей почти на шею, и уже было резко повернула назад, опрокинулась и через мгновение до него донеслось призывное ржание лошади и шум камнепада.

— Амга! — скорее застоял, чем крикнул он, пытаясь приподняться. Острая боль рванула правую голень и прижала его к камням. Горячим пламенем жгла она, распространилась быстро по всей ноге, пронизывала все тело и пульсировала уже в висках. Наконец с трудом ему удалось оттолкнуть тяжелый камень, высвободить ногу, приподняться на руках и прислониться к выступу небольшой скалы.

Связка из четырех лошадей металась по стланнику. С двух лошадей выюки были уже сброшены, у других держались еще на крючках выючных седел, болтались и били перепуганных животных. Но вот две освободились от связки и ринулись в долину ручья. Орлик, красивый и мопучий мерин, запутавшись веревками в кедровом стланнике, призывно ржал. Мускулы были настолько напряжены, что его была мелкая дрожь. И, казалось, ему не хватает самого малого усилия, чтобы рвануть злосчастный куст векового стланника, помчаться прочь от страшного места. Четвертая лошадь оказалась еще в худшем положении. Опрокинутая другими, перехлестнутая через шею широким ремнем, она похрапывала, придавленная выючными ящиками. Лошадь была почти рядом с Алексеем. Ее налив-

шиеся кровью глаза умоляюще глядели на него и было в них столько ужаса и боли, что Алексей, сам едва не теряя сознание, подполз к ней и несколькими ударами ножа обрезал сначала выючные ящики, а потом перерезал широкий ремень, стягивающий шею лошади. Почувствовав облегчение, она рванулась и чуть не задела своего каюра. Вслед за ней рванулся из последних сил и Орлик. Лопнули веревки и, ломая впереди себя ветки кедров, лошадь понеслась вдоль склона.

Воцарившаяся тишина откликнулась нестерпимой болью в ноге Алексея. Еще сжимая в руках короткий охотничий нож, он отсутствующим взглядом смотрел на правый сапог, из разорванного голенища которого на серые камни стекала кровь. Когда сцепление прошло, он вспорол брюки, перерезал сыромятный ремень и широкой полоской обтянул ногу ближе к паху, потом чуть ниже наложил жгут. Только тогда, дотянувшись до разрезанного сапога, он с трудом освободил ногу. Вид открытого перелома вызвал у него приступ тошноты. Из расщепленных плах и снятой коры он сделал что-то наподобие шин.

Боль затаилась где-то под сердцем и застыла в напряженной воли каюра. Алексей знал трудную жизнь своего отца-охотника, который не раз роворил ему, что если в тайге человек попал в беду, то он скорее должен выколотить себе глаза и отрезать уши, чем увидеть свое бессилие и услышать внутренний голос своей беспомощности. Человек в тайге должен

спасти себя сам, как зверь зализать себе рану и выжить...

Нарезанные тонкими полосками ремни были связаны и перекинуты несколько раз через перелом, закрытый корой и прижатый слегка неотесанными плашками. Осталось самое главное — стянуть ремешками перелом, укрепить ногу в фиксированном положении. Алексей чувствовал, что, делая это, от боли он может потерять сознание. Но другого выхода не было.

Веселая пичужка сидела на веточке и пtiuкала: поить, поить, вить-по, вить-по, -вить. Она, словно, будила своим щебетаньем и упрасивала, пришедшего в себя человека попить. И Алексею действительно хотелось пить. Глубоко под камнями, на которых он лежал, журчала вода и это усиливало жажду. Стараясь не потревожить больную ногу, он перерезал ремешок, удерживающий ее в подвешенном состоянии. Пичужка вспорхнула и уселась на краю камня, рядом с которым блестела во мху светлая лужица воды. Осторожно, с частыми передышками добрался к ней каюр. Долго пил маленькими глотками ледяную зубу воду, потом отполз в сухое место и осмотрел ногу. Стянутая ремешками, она не кровоточила и это успокоило его.

Мысли перенесли каюра за перевал, где наверняка ждали его проголодавшиеся и уставшие геологи. И представил себе, как промызальщик Иван, наловив хариусов к ужину, выглядывает его, Алексея, среди крутостенного листовья в долине. Как покусывает ус начальник отряда Платонич, сосредоточенно рассматривая карту, мысленно прослеживая сложный маршрут завтрашнего дня. А Яковлева, милая и веселая девушка, торопится дописать маршрут, чтобы вечером у костра дожидаться рассказов Алексея о тайге, о жизни охотников и оленеводов. И чем больше об этом он думал, тем нестерпимее хотелось ему оказаться там, у стоянки, напиться горячего чая, с наслаждением выкурить папиросу под неугоминые и всегда новые прибаутки повара Ефима. Тут же пришла боль за убежавших лошадей, за разбросанные по всему склону сопки выюки с продуктами, палатками, спальниками. Если бы не нога...

(Продолжение следует).

Литературный уголок

А. МЕДЯННИКОВ.

Весеннее настроение

Весна по улицам летит!
Галдят по-птичьи ребятишки!
Кот на завалинке — не спит...
Девчурки мелом «жлассы»
пишут.
Бормочет радостно ручей,
Он по весне вприпрыжку че-
шет!
Поет лохматый воробей
Да так, что не угнаться пев-
чим!
Дворовый грозный старый пес
С восторгом носится по лу-
жам...
Какой же нынче с него
спрос?
Весна взяла собачью душу!
А я стою чуть-чуть хмельной,
Мне это просто показалось,
И все же — дышится весной!
Ведь до нее... такая малость...

х х х

Улыбка, жест, нехитрый
взгляд,
Но что-то есть в тебе такое,
О чем мужчины говорят...
Что их, бывает, беспокоит.
Ты говоришь: «Какая есть,
И что понять совсем не-
сложно».
Но этот крест, прекрасный
крест!
Поднять мне, право, невоз-
можно.
Как на ладони естество,
Комочек нервов — море чув-
ства.
Рассудка мало моего...
О, женщина! Само Искусство!

х х х

Звезда упала. Чья-то жизнь...
Как яростно она горела!
В ночи пронесся пламень бе-
лый—
Перечеркнул все рубежи.
Причина думать, чем живу?
Сгорю ли также иль протлею,
Кого огонь мой обогреет,
Какую соберу молву?
Тот человек... он жизнь про-
шел!
Не просто «делал свое дело».
Я видел этот пламень белый
За множеством небесных тел...

В. БОРОДИН.

Весенние строки

Люблю это чистое небо
И нежную алость зари,
Дымки потемневшего снега,
Оттаявший воздух весны.
Хочу, чтобы вечно так было,
И жизнь повторялась всег-
да—
Как прежде бы солнце све-
тило,
Звенела хрустально вода.
И чтобы всегда утром рано
Я настежь мог окна открыть
И знать: все вокруг не слу-
чайно,
Что стоит и жить, и любить.
Что сын мой и внук через
годы
Увидят и снег, и весну,
И вспышкой атомной бомбы
Не станет заря поутру.
Так пусть же звенит и смеет-
ся,
Течет первозданно апрель,
Светло и спокойно начнется
И этот, и будущий день.

СТИХИ МЕСТНЫХ АВТОРОВ

Екатерина ЖЕЛТУХИНА

Нелегкая работа

Водителям Хандыгской автобазы посвящается

На свете множество дорог, Различных трасс и магистралей, Моя же, главная из трех, — Та, что ведет на Север	Водить машину — трудная работа. Дороги-то у нас... не скажешь, что легки:
Та, что бежит среди равнин и сопок, Через хребты, леса и перевалы, Среди снегов, белеющих, как хлопок,	Тут — Заячья петля, там — Чертовы ворота, То скользкий спуск, то вязкие пески.
Через болота, наледи, обвалы. Взбираются машины, поднатужась,	А как же перебраться через Терех? Вода кругом клопочет и бурлит,
На затяжной высокий косогор, А там, вверху, — о, страх и ужас:	Как хищница, съедает правый берег, Мост с места сдвинуть не может. Но покорители дорог, не ведая испуга,
Направо — пропасть, слева — скалы гор!	Не ждя, когда утихнет этот вой,
Но не робеют парни с автобазы,	Тросами зацепившись «друг за друга», Пошли в атаку со стихией, в бой.
Лишь только крепче давят на педаль.	В дороге бед досталось им немало.
И вот прошли «Уралы», «Татры», «МАЗы», Оставив за собою пыль и гарь. Машины мчатся, скорость набирая,	Всех неудач, пожалуй, и не счесть. Но воля их в дорогу поднимала,
Отсчитывают свой километраж. По Серпантину, змейкою петляя,	На труд и подвиг их поднимала честь. пос. Кюбюма.
Уходят, наклонясь, в крутой вираж.	— название перевала.

Литературный СТОЛОК

СТИХИ МЕСТНЫХ АВТОРОВ

А. Медяников

В новогоднюю ночь

Все необычно в эту ночь!
Какой-то тайный свет струится
Друг другу хочется помочь,
Хорошим очень поделиться.

Уж Елка сыплет серебро —
Ладони подставляйте, люди!
И старый Дедушка-мороз
К нам въедет прямо на салазках!

Улыбки, смех и суета,
Загадочные маски-лица...
Давайте вместе веселиться!
Дружнее, разом и тогда —
Наш Старый год уйдет с добром,
И Новый год добрее будет!

Такая ночь. Какой же спрос...
Давайте верить в эту сказку!
И не забудем загадать...
Все сбудется! (Конечно, втайне).
И будем верить, будем знать, —
Мир непременно лучше станет!

А. Кокин

Новый год, как новые дороги...

Новый год
Подарит всем мгновенья
Острых чувств
И тайя сердцебиенье,
И надежд,
Которые сбываются.
Новый год
Таким нам представляется!
Новый год,
Он как порог за чем-то,
И как грань
Всех от ожиданий с кем-то.
Новый год

Неистовых желаний,
Новый год
И встреч, и расставаний.
Новый год —
Святая неизвестность,
И, как жизнь,
Пределная конкретность.
Новый год,
Как новые дороги...
Новый год
Обычный на пороге.

А. Горбунов

Пусть будет счастье!

Мы оступаем в год
восьмидесятый —
Двадцать лет столетию шуметь,
и уйдет в былые века двадцатый.
Он спешит. За днями не успеть.
и остановить никто не в силах,
Повернуть никто не может вспять.
и морщинки сеть у глаз любимых
не разгладить, не стереть, не снять.
Бьют часы настенные
двенадцать.
Тот год переступил порог.

Сдвинут в полумночной тишине,
Улыбнувшись, скажут:
С Новым годом,
С новым счастьем! — Взрослые
вполне
В сказанное искренне позырят.
И оно, как в детстве, к ним придет
С Дед-морозом, просочившись
в двери,
Пусть счастливым будет Новый
год!
Пусть народам не грозят заряды
Мегатонных смертоносных бомб.
Мир и счастье в шагах

С Новым ГОДОМ!

ВЛ. АНТИПИН.

ПЕРЕД БОЕМ

Уже туман спускается к реке,
Плывет, цепляется за рошу.
Он покачал патроны в кулаке.
И к блиндажу направился на ощупь.
Еще темно, еще в тревожном сне
Угрюмо дремлет старая планета,
И вспомнил он, поправив пистолет:
— Атака в восемь. Красная ракета.
Бинокль на грудь. Дай бог, не позабыть,
Чтоб после боя сразу за машинку.
Звонок в редакцию. Поговорить с Маринкой.
Отчет отправить. Пленку проявить.
...Тумана клубы дымящие плывут,
На сердце холодно и пусто от чего-то.
Вот-вот снаряды воздух разорвут,
Вот-вот к завалам ринется пехота.
Ну, а пока, как в сумрачном бреду,
Он ходит, курит, кашляет, смеется,
А через час качнется на ходу
И никогда с отчетом не вернется.
Чтоб через двести, через триста лет
По старым негативам и газетам
Узнали люди маленький секрет:
— Атака в восемь. Красная ракета.

Это непобедимое чувство...

Служебные дела привели меня однажды на далекую лесосеку по речке Тыры. Была весна, снег стоял. Природа была исполнена такой великой силы, когда все оживает, тянется к свету, наполняется радостью жизни.

Я обходил таежный лагерь лесорубов, совершенно не думая встретить здесь что-то необычное. И когда я увидел картину, запечатленную на этом снимке справа, то не поверил своим глазам. В оцепенении я даже забыл про фотоаппарат.

Лесорубы, увидев мое изумление, добродушно смеялись:

— Вот, брат, какие чудеса бывают на свете!

На камнях стояла лайка и спокойно кормила молоком... крохотного кабаржонка, маленького оленя нашей тайги! Я успел сделать несколько снимков, но, к сожалению, впоследствии отпечатал только один. По житейской случайности негатив безнадежно испорчен.

Лесорубы рассказали, что как-то заметили в тайге кабаржонка. Трогать его не стали, думали, что мать где-то поблизости. Но и на

другой день детеныш был в одиночестве. Может быть, мать погибла? Принесли кабаржонка к избушке, но не знали, чем его кормить. Молоком в тайге не разживешься.

И тут случилось чудо. Лайка по кличке Верба подбежала к лесному гостю, внимательно обнюхала его и... лизнула. Голодный глупыш сразу же ткнулся носом ей под брюхо. Верба недавно ошенилась, кормила своих детей, у нее было молоко.

Люди затаили дыхание. А Верба спокойно кормила кабаржонка и смотрела на людей с недоумением: «Чему вы удивляетесь? Я ведь мать и все-все понимаю...» Так кабаржонок стал приемным сыном грозной охотницы Вербы.

Три месяца прожил олененок у лесорубов, а потом убежал в тайгу. А Верба, вырастив своих родных детей, по-прежнему азартно охотилась по тайге...

На снимке: лайка Верба кормит молоком кабаржонка.

Г. ЗУБОВ,
председатель Томпонского
районного охотобщества.
Фото автора.

На охоту женщины не ходят

(Из охотничьих рассказов)

Пожалуй, с древних времен так уж повелось, что на охоту ходят только мужчины. И действительно, увидеть женщину в скрадке да на весенней зорьке — это почти одно и то же, что в современном лесу живого мамонта встретить. Да, совершенно очевидно: охота — лишь удел представителей сильного пола.

И все же, хотите верить, хотите нет, но я видел женщину, которая увлекалась охотой. Правда, увлечение ее вскоре прошло, но отнюдь не по ее желанию. А дело было так. Каждую весну ходила Анна Николаевна на таежную речку Иморгу со своим супругом Александром Павловичем. Вместе с мужем и с другими охотниками делила она все охотничьи радости и невзгоды. Птицу перелетную на лету снимала — позавидуешь, Костер в тайге в любую непогоду развести могла, а уж похлебку, бывало, такую приготовит, что подобной в другой столовой не отведаешь. Словом, мастерица на все руки была Аннушка, как ласково называли ее охотники. Только самому Александру Павловичу не по нутру было, что Аннушка на охоту ходит. И вот почему.

Соберутся вечерком охотники у костра, по рюмочке, бывало, пропустят, и начинаются разговоры: кто правду говорит, кто врет — не поймешь сразу. Начнет Александр Павлович рассказывать какую-нибудь историю, а жена тут как тут:

— Саша, да не так ведь было! Не ты за медведем гнался, а медведь за тобой.

Однажды веселье у костра в разгаре было. Истории охотничьи все перерассказали, очередь до Александра Павловича дошла.

— В прошлом году тайменя на спиннинг взял, — начал рассказ Александр Павлович. — Здоровый, чертяка, попался. Я его из воды, а он меня — в воду. Часа два воевал. Загнулся было совсем. Вытащил его, окаянного, из воды и рядом с ним плюхнулся. Лежу, сил нет подняться. Когда домой приехал да взвесил, таймень мой сорок пять килограммов потянул.

А тут как раз Анна Николаевна к костру подошла.

— Саша, — говорит, — ну, зачем преувеличивать? Не сорок пять килограммов таймень тот весил, а пятнадцать.

Рассердился тогда Александр Павлович не на шутку. Историй никаких больше рассказывать не стал. А жене намекнул, дескать, не бывать тебе, Анна Николаевна, больше на охоте и точка.

С тех пор и ходит на охоту Александр Павлович в одиночку. Спросишь, бывало, его — куда жену подевал? Он только усмехается:

— Дома сидит. У домашнего очага. С детишками занимается. Да так-то оно и лучше. Жены дома хороши, а на охоте с ними одна морока...

Вот так все получилось. Зато рассказчиком Александр Павлович с тех пор стал непревзойденным...

"КЗ" от 1.9.84.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ УГОЛОК

В. КЕИМЕТИНОВ

Людскими бедами нагружен

Когда январь,
Взбесившись прямо,
Тайгу завьюжил до иголок,
Я в этот мир пришел —
И энин
Улыбкой высветила полог.
Судьбой заведомо облакан,
Родными огражден от зла,
Я рос,
Передоверяясь сказкам,
А жизнь не сказочной была.
Рос,
Вырос
И ушел бы к духам,
Жизнь проводив,
Как полусон,
Когда бы не коснулся слуха,
Глубокий стон.
Людскими бедами нагружен,
Скрипел натужно шар земной.
И я почувствовал, как нужен,
Чтоб всем,
С кем был
И не был дружен,
Раздать
Не розданное мной.
Энин (эвенск.) — мама.

Уголок земли якутской.

Глоток доброты

Свет, разгораясь,
Вытесняет
Ночную тишину и темень.
И теплое дыхание утра
Отогревает ранних птиц.
Но раньше певчих птах
С насеста
Снялась бесшумно ночь.
И солнце,
Смыв в ручьях ручьи,
Сквозь стекла
Защекотало лежебок.
Подъем!
Подъем!
Грань тьмы
и света.

Грань сна
и яви.
Первый возглас.
Трель.
Щелканье,
И цвирканье.
Треск крыльев.
Оконных створок скрип.
И вдох,
До боли в легких вдох
Прохладой
Незамутненной чистоты
И доброты,
Глотнув которой,
Вы не состаритесь
Вовек.

Перевод М. Эдидовича.

На Алдане.

Фото Г. Аристакесяна.

"КЗ" от 22.9.84.

Литературный уголок

В. КЕЙМЕТИНОВ.

В книгу жизни

Снег вспыхнул синими огнями
Слезами застит белый свет.
Страницы белой книги
Днями
Листаю,
Вчитываясь в след.
Что белка пишет мне?

Что соболю
Цепочкой букв недосказал?
Что легкодумно
В склон сугроба
Вписал зайчишка-зубоскал?
Что сам впишу я
В книгу жизни
На заметенных строчках лет
И кто
В немеренной Отчизне
Прочтет мой след..?

Перевод М. Эдидовича.

А. ЧЕРНЫЙ.

Песня

Черта отсчета
Маряжит вдалеке,
От первой,
Изначальной точки,
Откуда первый шаг,
Несмело, налегке
Был шагом в мир...

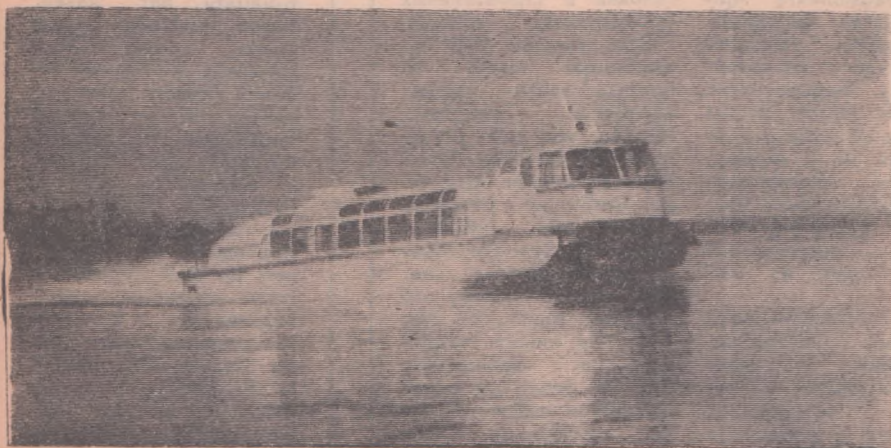
Родившись без сорочки,
Судьба моя
Не прогорела в дым,
И силы мне
Умножила стократ...
С щемящею тоской,
Любимый Арарат,
Тебя увижу я.
Приду,
Как блудный сын.

Совет

Суетилась, радуясь. Несла
Яблоко,
не сорванное с ветви,
Не под солнцем,
Не на жарком ветре
Зревшее,
А сладостью тепла,
Добротою красной
Налитое,
С муками у сердца
Отлитое,
Суетилась, думала. Несла...
Чтоб не просто,
Чтоб имелся повод,
Введливой тоски
Постылый холод
Отогреть
У хилого костра.

Элегия

Солнцу я ответил бы:
Не водись с туманом
И тебя ведь сметили
Дружбой и обманом.
И с тобою, огненным,
Поступали скверно.
Колотили об небо
Много раз, наверное,
И пятали влюбчиво,
Тискали до боли.
Есть и в небе субчики...
Дай им только волю —
Разберут по атому
В холоде эфира.
А потом доказывай —
Ты ли там светило...

НА СНИМКЕ: на алданском просторе.

Фото М. Федорова.

Новые стихи томпонского поэта

Василия КЕЙМЕТИНОВА

х х х

Я под открытым небосводом
В своей родимой чоре¹ рос,
Мне солнце нежное с восходом
Дарило горсти чистых рос.
Мать своей теплой грудью

грела

Меня, смешного малыша,
Над колыбелью песни пела,
Чтобы добрей была душа.
Под песни белые метели
Водили звезды хоровод,
И с неба черного летели
К нам в чору через дымоход.
Я засыпал, а в мыслях мчался
Во сне на желтую луну,
И, просыпаясь, возвращался
К себе домой сквозь пелену...
В красивом здании из камня

Сейчас порою я живу, но юрта
детства так близка мне
Как мать, как сказка наяву.

¹Чора — эвенская юрта.

х х х

В 76-ом году мне да-
вали 44 года, а в 1980-ом
— 38. Нынче я отмечаю
свое ссрокaлетие.
— Почему помолодел?
— спрашивают друзья.

Разминая тихо ноги
И вдыхая свежий ветер,
Начинаю утром ранним

Из поэтических тетрадей

Я свой долгий
По полянам, тихий бег
перелескам,

На бегу я отдыхаю,
Удивляясь беспрестанно
Как счастливый человек.

А в пути меня встречает
Тихий ветер поцелует,
Нежно волосы ерошит.
Всей душою я пою.

Бурундук в кустах мелькает,
Мне дорожку уступает,
Птицы звонко В небе чистом

Тянут песенку свою.
Я бегу и замечаю.
Как богата мать — природа,

Наполняюсь утром ранним
Первозданной красотой.
Коль бежишь неторопливо

И рассвет в пути встречаешь,
Проживешь ты жизнь счастливо
На земле своей родной!

х х х
Вертолет легко качнулся,
оторвавшись от земли,
И от грома вдруг проснулся
Лес, синеющий вдали.
Я без страха поднимаюсь

На его стальных пле-
Словно в море, я куп-
В светлых солнечных
Подо мной блещут
Серебрятся ленты ре-
Подыши родным про-
Полной грудью, чело-
Край бескрайний и в-
Мне видна его краса-
Словно кустики черн-
Сверху кажутся леса-
Гор сверкающие скл-
И вершины вижу их,
Я листаю их распадк-
Как страницы древн-
Слыша гром, от наш-
Мчатся дикие стада
Разбегаются олени
Врассыпную кто куд-
Я по небу голубому
Пролетаю как олень,
И, представьте, возле-
Приземляюсь в тот ж-
с. Тополиное.

Новые стихи томпонского поэта

Василия КЕЙМЕТИНОВА

х х х

Я под открытым небосводом
В своей родимой чоре¹ рос,
Мне солнце нежное с восходом
Дарило горсти чистых рос.
Мать своей теплой грубью

грела

Меня, смешного малыша,
Над колыбелью песни пела,
Чтобы добрей была душа.
Под песни белые метели
Водили звезды хоровод,
И с неба черного летели
К нам в чору через дымоход.
Я засыпал, а в мыслях мчался
Во сне на желтую луну,
И, просыпаясь, возвращался
К себе домой сквозь пелену...
В красивом здании из камня

Сейчас порою я живу, но юрта
детства так близка мне
Как мать, как сказка наяву.

¹Чора — эвенская юрта.

х х х

В 76-ом году мне да-
вали 44 года, а в 1980-ом
— 38. Нынче я отмечаю
свое ссрокалетие.
— Почему помолодел!
— спрашивают друзья.

Разминая тихо ноги
И вдыхая свежий ветер,
Начинаю утром ранним

Из поэтических тетрадей

Я свой долгий
По полянам, тихий бег
перелескам,

На бегу я отдыхаю,
Удивляясь беспрестанно
Как счастливый человек.

А в пути меня встречает
Тихий ветер поцелуем,
Нежно волосы ерошит.
Всей душою я пою.

Бурундук в кустах мелькает,
Мне дорогу уступает,
Птицы звонко В небе чистом

Тянут песенку свою.
Я бегу и замечаю.

Как богата мать — природа,
Наполняясь утром ранним
Первозданной красотой.

Коль бежишь неторопливо
И рассвет в пути встречаешь,
Проживешь ты жизнь счастливо
На земле своей родной!

х х х
Вертолет легко качнулся,
оторвавшись от земли,
И от грома вдруг проснулся
Лес, синеющий вдали.
Я без страха поднимаюсь

На его стальных плечах,
Словно в море, я купаюсь
В светлых солнечных лучах.
Подо мной блестят озера,
Серебрятся ленты рек.
Подыши родным простором
Полной грудью, человек!
Край бескрайний и великий,
Мне видна его краса.
Словно кустики черники,
Сверху кажутся леса.
Гор сверкающие складки
И вершины вижу их,
Я листаю их распадки,
Как страницы древних книг.
Слыша гром, от нашей тени
Мчатся дикие стада —
Разбегаются олени
Врассыпную кто куда.
Я по небу голубому
Пролетаю как олень,
И, представьте, возле дома
Приземляюсь в тот же день!
с. Тополиное.

Литературный

уголок

Я скажу: не надо рая,
Дайте родину мою.
С. ЕСЕНИН.

Василий Кейметинов.

РОДНОЙ КРАЙ

За жизнь большие города
Успел я повидать,
А все душой лечу туда,
Где пела песни мать.
Туда, в родимый тихий край,

Где мне открылся свет.
Земля моя, ты верь и знай:
Тебя дорожке — нет!
Люблю большие города,
Где все сады — в цвету,

Но в них скучаю я всегда,
Свой край я больше чту.
Спешу к нему со всех дорог,
Чтобы прильнуть скорей,
Я, как ребенок-сосунок,
К кормилице своей...
Я не видал земли добрей,
Сердечней наших мам,
И стаи птиц из-за морей
Летят гнездиться к нам!
Как будто нет краев теплей
В Алжире иль в Крыму,
Но птицам Север наш милей —
Они летят к нему.
Не сосчитаешь — не сумеешь! —
Богатств, что есть у нас:

Здесь есть и золото, и медь,
Есть серебро, алмаз.
Вот почему дороги к нам
Со всех концов ведут,
И нету счета городам,
Что вырастают тут.
Таков он, северный мой край,
Он дышит новизной,
И если есть на свете рай,
Тот рай — мой край родной!

Ну, душа моя, мужайся!
Я наметил свой маршрут.
В путь — дорогу собирайся,

Знай, нелегко будет труд!..
Надо жизнь прожить достойно,
Чтоб не пятиться назад,
Подготовься к ней спокойно,
Как к сражению солдат.
Ты окрепнешь в трудном деле,
Что бы ни было — иди!
Ты иди упрямо к цели,
Что маячит впереди.

Счастлива, кто со всеми в гуще
Жил в стремлении одном,
И о счастье всех живущих
Думал так, как о своем.

